

ISSN 2223-5221

ОСИЯННОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

3

2012

Расписание мероприятий 4

Форум им. Н.С. Гумилева 6

От редактора 7

Алексей Витаков «Песнь Бояна» 8

Елена Борок «Домой» рассказ 15

Александр Сталь «Калика» стихи 18

Галина Зарукина «Однажды станешь ты сверчком» стихи 23

Владимир Трусов «Осеннее бесприютное» стихи 27

Елена Муссалитина «Не стучись напрасно в двери рая» стихи 36

Мария Пелевина «Человек, который нёс свой огород» рассказ 43

Родион Прилепин «Безымянный» стихи 47

Роман Япишин «Нас с тобой разотрут в слова» стихи 50

Ольга Пинигина «По колкому следу в полуночи улиц» стихи 54

Ольга Кузнецова «Стихов перетертое золото» стихи 60

Артур Гайдук «Ты плачешь о прошедших временах» стихи 63

Михаил Зверев «По серой глади Кольского залива» стихи 67

Екатерина Подгорнова «Чтобы Кто-то увидел Кого-то...» стихи 70

Татьяна Кондратова «Объединенные Словом» 72

Наталья Красюкова «Горе луковое» рассказ 78

Дмитрий Коржов «Дорога – она навсегда и всерьез» стихи 82

Валерий Балакирев «Жду тебя дома» стихи 89

Марина Котова «Я прежде управлять умела снами...» стихи 95

Нина Ягодинцева «Стояла ночь – зелёная вода...» стихи 104

Юрий Невский «Есть только лес» рассказ 113

Мария Тюльпина «К проблеме изучения поэтического мира Геннадия Жукова» 120

Ренат Мустафин «Экзамен» (из книги «Заметки на полях вахтенного журнала») рассказ 132

Алексей Шмелёв «Всё случится мгновенно» стихи 138

Виталий Коротаевский «Майская Зима» стихи 142

Владимир Коркунов «Здесь до тебя – не так уж много дней» стихи 144

Светлана Демидова «Это мой город» стихи 146

Татьяна Бусыгина-Войтас «Ромашки» рассказ 148

Владимир Макаренков «Печаль всяя Руси» стихи 153

Адрес редакции для корреспонденции:
111024, г. Москва, Ш. Энтузиастов, 11а-1-195
Адрес электронной почты: info@moby-publishing.com
Адрес в интернете: <http://osiyannoye-slovo.ru>

Переписка с авторами ведется только по почте (обычной или электронной).
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.
В исключительных случаях автор может получить рецензию по отдельному запросу в редакцию.

1-4 марта

«Осиянное Слово на Урале». Мастер-класс Алексея Витакова и Нины Ягодинцевой: г. Златоуст, Челябинская обл. Отборочный тур IX Форума.

Сайт: vitakov.ru

6 апреля

Концерт-вечер памяти Николая Гумилева, г. Москва.

Сайт: www.osiannoye-slovo.ru

25-27 мая

Литературная гостинная в рамках Всероссийского фестиваля авторской песни «Куликово поле», с. Монастырщино, Тульская область. Отборочный тур IX Форума.

Сайт: www.kulpole.ru

12-14 июля

Фестиваль авторской песни, поэзии и прозы малых форм «Господин Ветер» в Коломенском районе, Московская обл.

Сайт: www.gospodin-veter.ru,
vk.com/club25721097

19-21 июля

Открытый молодёжный фестиваль поэзии и авторской песни «Серебряный родник» в г. Усмань, Липецкая область.

Сайт: vk.com/club18775134

23-28 июля

Мастер-класс Алексея Витакова в рамках межрегионального фестиваля авторской песни памяти Ю.Визбора «Распахнутые ветра».

Сайт: vitakov.ru

16-18 августа

Бунинский фестиваль авторской песни и литературы малых форм «Радуга струн» в Задонском районе, Липецкая область.

Сайт: www.raduga-strun.ru

23-25 августа

Арт-фестиваль «Дальфест» в г. Владивосток, Приморский край. Отборочный тур IX Форума.

Сайт: www.kspdv.ru/event/dalfest

13-15 сентября

Фестиваль авторской песни и литературы малых форм «Осень в Тамани» в ст. Тамань, Краснодарский край.

Сайт: vk.com/club18610228

4-6 октября

Фестиваль авторской песни, поэзии и прозы малых форм им. Н. И. Рыленкова «Рубикон» в г. Смоленск. Лауреаты фестиваля примут участие в заключительном семинаре МЛФ, в Переделкино.

Сайт: vsenarubikon.ru

25-27 октября

Фестиваль авторской песни и литературы малых форм «Капитан Грей» г. Оленегорск, Мурманская область.

Сайт: kapitan-grey.ru

2-5 ноября

Заключительный семинар IX Межвузовского литературного форума

«Осиянное Слово» в п. Переделкино, Московская область.

Сайт: www.osiannoye-slovo.ru

Идёт приём заявок участников IX Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово».

Форум проходит с февраля по декабрь 2012 года.

В Форуме могут принять участие начинающие поэты и писатели в возрасте до 30 лет, не имеющие профессионального образования в области литературного творчества.

В программе Форума — фестивали, летняя открытая литературная школа, мастер-классы членов жюри, заключительный семинар для финалистов в Доме творчества писателей в Переделкине, а также другие мероприятия.

Заявку на Форум можно подать следующими способами:

1. по обычной и электронной почте
2. на сайте Форума <http://osiyannoye-slovo.ru>

Заявки принимаются до 12 октября 2012 года.

Межвузовский литературный форум им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово» — это ежегодное мероприятие, ориентированное на раскрытие и реализацию творческого потенциала начинающих непрофессиональных писателей и поэтов. Важным отличием Форума от похожих мероприятий является то, что Форум не является в чистом виде конкурсом: хотя в рамках Форума и проводятся конкурсы по направлениям (проза, поэзия, драматургия и др.), большинство мероприятий Форума имеют неконкурсную основу, а участие в конкурсах добровольно. Традиционным для Форума стал заключительный семинар в знаменитом Доме творчества писателей в подмосковном Переделкине.

Дмитрий Крылов, председатель оргкомитета Форума:

«Не секрет, что объявления о подобных событиях в первую очередь звучат в вузах гуманитарного направления. У нас с самого начала была идея — предоставить возможность студентам негуманитарных вузов участвовать в таком мероприятии. Неожиданно откликнулись на наше приглашение не только студенты, но и аспиранты, молодые преподаватели, и даже молодые люди, которые ещё не успели поступить в вуз — школьники, студенты колледжей. Приходили заявки и от людей, уже закончивших технические вузы, и от военнослужащих. Представители гуманитарного направления подтянулись. А мы рады всем участникам».

Алексей Витаков, художественный руководитель Форума, член Союза писателей России:

«Творческая молодежь испытывает необходимость в общении. Показать написанное, обсудить, посмотреть, куда движутся собратья по перу... Мы не стремимся формализовать творчество, мы помогаем создать максимально комфортные условия для обмена творческими взглядами».

Форум основан в 2004 году по инициативе ректора Московского института радиотехники, электроники и автоматики (технического университета) — МИРЭА (ТУ) — А.С. Сигова. Существенную поддержку Форуму оказывают различные организации писателей: Союзы писателей России и Москвы, Международная федерация русскоязычных писателей и др.

В I Форуме (2004 г.) приняли участие 72 студента из 25 вузов Москвы и Московской области. В VIII Форуме (2011 г.) участвовали уже более трёх тысяч человек, представлявших 125 вузов Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Саратова, Калуги, Самары, Минска, Киева, Харькова, а также других регионов России и стран СНГ. В VII Форуме также принимали участие молодые люди из Франции, Польши, Венгрии, Болгарии, Японии и КНР.

Контактная информация

Сайт Форума: <http://osiyannoye-slovo.ru>

E-mail: mlf@osiyannoye-slovo.ru

Тел.: +7(499) 506 74 13 доб. 112# (Ответственный секретарь оргкомитета Дмитрий Меркушов)

От редактора

Здравствуй, Читатель!

Развитие поэзии, как и течение жизни, процесс непрерывный: появляются новые темы, формы, что-то отживает и сходит со сцены, но всегда остаются ценности, которые делают наше искусство гуманным, а значит, истинным и вечным.

Литературная ситуация никогда не бывает простой, но наше время ставит перед литературой особую задачу: сохранить глубину, настоящий порыв, искренность чувств и серьезность мысли; не дать стебу, словесному

жонглированию, ироничному цитированию заполнить пространство литературного процесса; защитить право автора на прямой, душевный и ясный разговор с читателем. Поэзия в традиционном смысле этого понятия не должна стать маргинальным явлением, возвышенная лирическая проза — восприниматься как атавизм, а патриотическая нота вызывать кривую усмешку.

Современная литература, с её гиперрефлексией, возникшей в условиях перепроизводства предметов сиюминутного потребления, не должна превратиться в элитарное искусство, потому что настоящее Слово объединяет людей. В противном случае всегда найдется мальчик, который крикнет: «А король-то голый!»

Задача «Осиянного слова» — не растратить живую душу русской литературы, передавать лучшие традиции отечественной лирики от поколения к поколению. Именно поэтому на страницах этого выпуска соседствует проза и поэзия тех, кто только начинает свой путь в литературе, и тех, для кого он стал главным делом жизни.

И храни нас Бог на этом пути!

Ваш Алексей Витаков

Алексей Витаков

Песня Бояна

Заря над травами вставала.
Держала небо на весу.
И небо тихо покидало
Остекленевшую росу.

И тишь стояла в горле колом.
Звенела в сдавленном виске.
Всё. Кони встали. Куликово.
И Русь в цветочном лепестке.

Песня бояна

Колея, обочина – все одно.
Каждой печке-лавочке – свой сверчок.
У меня два облака за спиной.
А тебе что кажется, дурачок?

Потяни, дороженька, за рукав.
Покажи-ка волюшку наяву.
Пальцами корявыми сто рубях
Я на песне гусельной разорву.

А рвану сто первую – брызнет кровь.
Вот тогда и радуйся, пой, душа!
Говори, родимая, за любовь
И гляди на небушко, не дыша.

Я пойду по улицам, в калачах,
Пустоту девичьих глаз воровать.
У меня два ворона на плечах,
А тебе все ангелов подавай!

Ивою над гусями наклонюсь.
Пусть запястья тощие вспомнят свет.
Вороны тяжелые – ну и пусть.
Но зато два облака – в синеве.

Призовет ли на небо скоро Бог
Иль отправит заживо в ад гореть -
В темных избах поодаль от дорог
Скоморохи страсть мою будут петь.

Будут петь-рассказывать день и ночь
Да беречь от зависти и молвы,
У ветров займы беря только мощь,
Тишину заветную – у травы.

Где у бездны край, скажи, а где дно?
Почему в душе свистит вдруг дыра?
У меня два облака за спиной.
А ещё два ворона. Так-то, брат.

На курган занесло серым ветром меня.
Засверкала широкая Волга.
И сквозь толщи земли был мне голос коня.
И сказал он: «Я ждал тебя долго!

Помнишь, как пировал ты с дружиной в траве,
Как тогда ты напился кромешно?
Лучше нечего было желать татарве».
Я ответил: «Не помню, конечно».

«Вспомни, как побурела под берегом вода,
Но тебе было этого мало.

А еще вспомни жуткие блики, когда
Нас навеки с тобою не стало.

Как тогда я в закатную рябь уходил,
Отсекая земную погоню,
И тебя выносил с черной раной в груди!»
Я ответил: «Ты знаешь, не помню!»

А потом в тишине у степного огня
Пела женщина, глядя на Волгу.
Неужели, мой друг, ты не вспомнишь коня?
Я ведь ждал, ты поверь, очень долго.

А когда хоронили нас, помнишь, она
Бледный лоб твой накрыла ладонью.
Как была моя ревность, ты помнишь, черна?»
Я ответил: «Ну, хватит, не помню!»

Конь умолк, было слышно дыхание его.
Мне мерещился шум древней сечи.
Я не помню, мой друг, ты прости, ничего!
И поникли кургановы плечи.

Где-то близко совсем, у степного огня,
Пела женщина самозабвенно.
И был сон боевому коню про меня
И про женщину тоже. Наверно.

Емеля

Ярмарка - лотки, ряды.
Меряй, пробуй - не хочу!
Масло, лак для бороды,
Платья, бублики. Но, чу!
Расступается народ.
Замолкает. Посмотри!
Скоморох босой идет,
Святочным снежком скрипит.

«Слышишь, эй, во рту горох,
Ты куды, Емеля?»
Отвечает скоморох:
«Все дороги в землю.
То, что вижу, говорю.
Говорю, что знаю.

Стадо коз через ноздрю
Разом пропускаю.
Не гляди с открытым ртом,
Что хожу залатанный.
Я сморкаюсь зато
На подолы знатные».

«Ох, Емеля, смелый ты!
Кнут милее хлеба.
Скидывай давай порты -
Пустим пыль до неба!»

На спине от батогов
Проступили сливы,
Но Емеля-скоморох -
Парень незлобивый.
Сколько знал он синяков,
Что июль колосьев.
Всё равно дразнить попов
Ни за что не бросит.
Вдруг колокол грянул. Рванулся звонарь.
Мороз пробежался по коже.
Полнеба завесила дымная хмарь.
Поднялся огонь над сторожей.
Татары! Пять тысяч! Вмиг вылетел хмель.
Стал воздух стеклянным от гула.
Блестит золотая хутангу-дегель
На темнике широкоскулом.
Пять тысяч шеломов. Опятиконь.
Девятихвостая слава.
Вот темник смолистую вскинул ладонь,
И встала послушная лава.

«Эй, в городе, гостю ворот открывай.
Не видишь: замучился кони.
Для дани сто юнош, сто девок давай,
Воз белок. И мой вас не тронет!»

Посадник: «Что делать? Заплатим - уйдет!
 Не будет ни смерти, ни смрада.
 Бояре, что скажете?» - «Мы - как народ!
 А людям пожаров не надо!»
 Сжал тысяцкий бороду. Взгляд - на живот.
 Полсотни дружины всего-то.
 Да рати полтыщи. «И я - как народ.
 Лить кровь никому неохота!»

Тут в сених переполох...
 Разве так бывало,
 Чтобы первым скоморох
 Вышел на забрало?
 Крикнул: «Хари - срам один!
 Знать, с навозной каши!
 Щас Емеля, сукин сын,
 Представленье спляшет!»
 Потянул ведерный ковш.
 Льёт смолу на плечи.
 Кинул к солнцу медный грош.
 Поглядел далече.
 На три счета став седым,
 Чирканул кресалом.
 И пред взорами орды
 Пламя заплясало.

Как бились! - Никто после вспомнить не мог.
 За локоть, за пядь и за камень.
 Ни с чем на степной возвратилось восток
 Хвосты растерявшее знамя.
 Два века потом у монгольских костров
 Жил сказ, что в заснеженном крае
 Выходит на стену седой скоморох
 И солнце ковшом выпивает.

Киев горит и Владимир-Волынский.
 Выжжен Чернигов, и стерт Переславль.

Рядом Батый, и ливонцы близко.
 Новгород, Господи, не оставляй!

В тесной Европе великая сила:
 Красные мантии, лилии, львы,
 Папа Григорий, граф Уголино.
 Шнеки фон Биргера в устье Невы.

Пешие рати
 по Волхову к Ладого,
 Конные берегом
 до Ижоры.
 Свет Александр Ярославич,
 радуйся!
 Кем бы ты был, князь,
 кабы не враг!

Запад легатский мощной не скупится:
 Золотом платит за бойню и мор.
 Пало Копорье, Тесов дымится.
 Орден взял подкупом Псков и Изборск.

Харкают кровью и пеплом метели.
 Страшно на дыбе раздыбилась твердь.
 Но будет лед на Чудском в апреле:
 Саван и солнце, победа и смерть.

Выйди же, суженая, на забрало,
 Глянь же на землю озерами глаз.
 Может, и вовремя нас не стало.
 Северный лес допевает за нас.

Только подумать: позёмка по стежкам,
 Брызгами свет от резного крыльца,
 Девица где-то топает ножкой -
 Сломан каблук супротив молодца.
 Полк низовой

 из Владимира стольного.
 Реют суздальцев
 алые стяги.

Встаньте, родные,
 в храмах намоленных!
Юному князю -
 стальной отваги!

Я родился под северным солнцем
В шестьдесят позабытом году.
Положили меня на оконце -
Отводить от деревни беду.

Я лежал на отцовой портянке
Не на улице и не в дому.
Пахли ветхие шторы землянкой,
Я не скоро узнал почему.

Помню, трещины были на раме.
Я разглядывал в трещинах тьму.
Как же пахло в избе сухарями!..
Я не скоро узнал почему.

Я лежал и распухшие десны
Тер костяшками пальцев, как мог.
Видно, впрямь был мой вид очень грозным,
Коль беда обходила порог.

Облака шли в сиреновой сини
От бояновых дней на восток.
На портянке я плыл вместе с ними,
И беда обходила порог.

Пахли ветхие шторы землянкой,
Нависал чернотой потолок.
А я плыл на отцовой портянке
От бояновых дней на восток -

Над усталой землёй и морями.
И бежала, бежала беда...
Как же пахло в избе сухарями...
Так пронзительно, так навсегда.

Елена Борок Домой

Сегодня вот встретились в городе.

Вообще мы редко встречаемся. У неё свои дела, у меня — свои. Кружим по привычным маршрутам с утра до вечера, а говорим только по телефону.

Бодро здороваемся, бодро пересказываем друг дружке события последнего утра или утра и вечера. Не сговариваясь, ищем в прожитых сутках хорошее, такое, чтоб можно сказать: «Выше нос!» или «Ну, вот видишь, а ты боялась»; чтобы на высокой ноте, чтобы успеть договорить, чтобы она не начала плакать.

Встретились на вокзальной площади, у автобуса. Вообще удачно вышло, что недалеко разъехались. Для Москвы — почти рядом — от дома до дома полчаса, и автобус один ходит. Близко, а — чёрт его знает — не выберешься, и всё.

Маленькая, похудевшая, с запавшими глазами, она говорит быстро, почти скороговоркой, и старается всё больше ни о чём. О том, как её на работе совершенно ни за что угостили тортом; как

вчера в первый раз после аварии отважилась купить кофту, вот эту, цветастую, как она оживляет лицо. Как ей хотелось; как она отвыкла, устала от чёрного; как постарела. Как, Боже, если бы не всё так сразу свалилось, не в два года. Она бы ещё лет пять, ну четыре, поработала, это же всё-таки деньги. Люда старше, Тамара вообще на пенсии — и ничего, работают. И она бы смогла, даже наверное — если бы только здоровье...

«Хочешь, я поеду с тобой? Вещи заберу, какие остались; ягод купим, фруктов, к чаю чего-нибудь. Мы же давно не сидели».

Она не ждала. Улыбается, взволнованно поправляет сумку на плече, откидывает чёлку. Она уже не помнит про торт и про кофту и не будет плакать.

Через минуту оживание сходит. «...Тёма грубит. С ним совсем невозможно находиться дома. Он ведь не таким рос...» — она тянет слова, смотрит в сторону. Снова бесцветная, тихая, как будто, пока мы оплачивали проезд, кто-то успел выкрутить только что за-

жжённые сорок ватт улыбки.

Дальше можно не торопиться. У нас пятьдесят минут до конечной и ещё целый вечер, часа два с половиной: у неё теперь сердце - в самом паршивом значении. Таблетки и режим; и спокойствие, только спокойствие.

«...в институт совсем не ходит. А я туда больше не поеду. Только расстраиваться. Он не ходит, а я расстраиваюсь. Мне же нельзя. Маш, может, ты съездишь? Поговори там, узнай, какие у него долги, или выпиши. Его же отчислят, а мы и знать не будем. А отец на пенсии, я вот тоже скоро. Маш, если он сейчас в армию, он же потом куда?.. мы же уже не сможем...»

Я улыбаюсь и беру её за руку. Девочка моя, конечно, я съезжу.

Здание вокзала вздрагивает и начинает уходить куда-то назад. Она снова оживает: «Давай сразу домой, чтобы время не терять. Я рыбу поджарю, картошку, суп остался — вчерашний. Если б знать, что ты приедешь, я бы что-нибудь приготовила».

Я опять улыбаюсь. Она хорошо готовит, у неё всегда получалось. Вот и сейчас пусть лучше думает про ужин и неожиданные гости.

«Как у вас в семье, Маш? Как Юра? Ты в следующий раз с ним приезжай. Когда вы у нас вместе были? Месяца два уже».

Юра хорошо. У него новая

работа, у него, как всегда, много работы. Машину хочет покупать, и вот скоро день рождения. Все придут; стол нужно собрать, позвоню посоветоваться.

Она кладёт вторую руку на мою и тоже улыбается: «Детка моя... Я так хочу, чтобы у вас всё было хорошо, чтобы ты была счастливее меня, — смотрит, как часто теперь в минуты нежности, — тревожно, почти затравленно. — Ты же у меня умница. И муж хороший, и детки скоро будут. Вы не затягивайте. Мы с отцом пока в силе, с детками бы помогли. У вас должно быть всё хорошо; у вас обязательно всё будет хорошо».

Я улыбаюсь всё шире, улыбаюсь, чувствуя, как меньше дрожит её рука в недрожащей моей. Улыбаюсь, как всегда.

Как тогда, когда наконец закончились полгода бабушкиной болезни.

Как когда вечером врал по телефону, чтобы выпались, — а утром перезванивала, чтоб приезжали хоронить.

Как когда не старая ещё, красивая бабушка заулыбалась с чёрной мраморной плиты, а через полгода рядом встала ещё одна.

Как тогда, когда Юрка сказал, что не хочет ребёнка. И когда я ему говорила, что ребёнка не будет. И потом, когда нам сказали, что мы не сможем иметь детей.

И когда мама начала вставать после аварии, и сама, правда,

под руку, ходила по врачам — а они тоже хорошо и открыто улыбались. Я улыбаюсь, как научилась за эти два года, которые отняли всё лишнее: любовь, переживающую людей; память, вызывающую призраков; планы на будущее, эмоции для настоящего — такие привычные связи со всеми временами русского языка. Отняли всё, что она двадцать лет собирала мне в большую жизнь. Что — возьми я это — од-

нажды может стать сильнее меня, как стало сильнее моей мамы, — и, рушась в непредсказуемо меняющемся мире, калеча и уродуя, — заживо похоронить под собственными обломками.

Улыбаюсь — потому что, когда я улыбаюсь, ей не так страшно.

Мне не так страшно.

2009

Александр Сталь
Калика

Проводы

Встала баба у порога,
Подперла рукой косяк.
«Не пущу! — сказала строго, —
Не пущу и всё, вот так!

Что удумал — Ирод новый —
Ну, какая тебе рать?
Ты ведь палицы дубовой
Не осилишь раз поднять...

Ты ещё был мал — три года —
Помнишь ли: твой старший брат
Из литовского похода
Не пришёл живым назад.

Брат второй — его моложе —
Уж тому как минул год,
С берегов кровавой Вожи
Всё до дома не дойдет.

Посмотри: весь день дорогой
Движет, движет к Дону рать.
Сил и так набрали много —
Не ходи, послушай мать».

На крыльцо отец поднялся —
Сердце дрогнуло в груди...
«Ты один у нас остался.
Нас схоронишь — уходи».

Сын твердил, не отступая:
Всё равно я, мол, уйду.
Супротив Орды Мамаю
Каждый воин на счету.

До утра не прекращался
Между ними разговор.
А с зарёй отец собрался —
Стал прилаживать топор.

«Я и сам пойду с тобою —
Мне в ногах достанет сил.
Бают — Сергей под Москвою
Рать в поход благословил».

Мать застыла на пороге.
На щеке дрожит слеза...
Завернула хлеб в дорогу,
Покрестясь на образа.

Проводила до сторожи,
Поклонилась им двоим.
«Ты, отец, того — построже
Там доглядывай за ним».

Ожидание

Отпотев сенокосное поле,
По дорожной июльской пыли,
Снарядившись, по княжеской воле
Вместе с войском мужчины ушли.

И деревня, как будто пустая,
Замерла среди хмурых лесов,
Редких путников шумно встречая
Звонким лаем встревоженных псов.

Каждый странник теперь — как мессия,
Как надежда на завтрашний день,

И проходят бродяги босые
По дорогам глухих деревень.

По истоптанным серым ухабам,
По полянам с пожухлой травой,
Их встречают усталые бабы,
Угощают нехитрой едой.

«Отдохните, поешьте, родные...
Чай, устали за день-то шагать?
Вы откуда ж бредёте такие?
Там о наших чего не слышать?»

Но бродяги не знают ответа —
Говорят, что война далеко.
И кончается знойное лето
Под набат грозových облаков.

Дождь осенний расквасил дорогу,
Не пройти, не проехать по ней,
На деревню ложится тревога
В ожидании свежих вестей.

Бабы маются, ждут — не дождутся
Мужиков с этой долгой войны...
«Станет снег — непременно вернутся...
До весны-то уж точно — должны...»

Утро на Куликовом

В тумане теряется лента реки,
Туман лег над чёрной водою...
У берега тихо застыли полки,
Готовые к смертному бою.

Врага мы не видим: он спрятан во мгле
Холодной сентябрьской ночи,

Но грохот копыт на разбитой земле
Становится ближе и звонче.

Стоим неподвижно, стоим в три ряда,
Стоим, плотно стиснувши плечи.
Всё ближе и ближе подходит Орда,
Всё явственней страшная сеча.

Смотрю, обернувши лицо на восток, —
Там скоро забрезжит Светило —
А в первом ряду, предо мной, паренёк,
Ему лет шестнадцать от силы.

Я видел не раз, когда конный отряд
Врезался вглубь пешего строя.
Я знаю, на что обречён первый ряд,
В сумятице жаркого боя.

Куда ж это сотник поставил мальчика?!
Ему первый ряд — как могила.
Туда бы матёрого надо бойца,
Кто с опытом, хваткою, силой.

Матёрый — нырнёт под удар с головой,
Он знает, куда уклониться.
А вот паренёк, что сейчас предо мной, —
Ему не спастись, не укрыться.

Он раньше, наверно, на зверя ходил,
Но конный — тут дело другое,
И парень в строю предо мною застыл,
Как будто овца на убое.

Но, может быть, кто поменялся бы с ним —
Смотрю на соседние лица.
А воины не видят, и дела нет им:
Самим бы от смерти отбиться.

А что ж тогда я — разве ж я не матёр,
Что, годы мои — молодые?

Впервые ли сжал я ладонях топор,
И в поле лью кровь я — впервые?

Чего ж тогда сам я не в первом строю,
Не там, где кровь грянет рекою?
Уместно ли прятать мне шкуру свою
За детскою хрупкой спиною?

Но встать самому нелегко в первый ряд.
Не золотом — жизнью рискую...
Ведь сотник меня сам поставил назад,
И жизнь свою крепко люблю я.

Я тоже хочу воротиться домой —
Там тоже жена ждет и дети...
А старший мой сын так просился со мной —
Немногим он меньше, чем этот.

И тут, как ошпаренный, бросил я взгляд
Ещё раз на хрупкую спину —
«А ну, желторотый, давай-ка назад,
За мной становись, в середину».

Но — поздно. Блеснула доспехами мгла,
Столб пыли, как облако, взвился...
Пропела недолгую песню стрела,
И парень за шею схватился.

Я боя не видел — дрожала рука.
Впервые со мною такое...
Я помнил лишь спину того паренька,
Который стоял предо мною.

Галина Зарукина
Однажды станешь ты сверчком

Корыто в карету легко превратится,
И белая мгла кисейой обернётся.
Нашью простыней я из пёстрого ситца,
Что полем ещё под ромашками бьётся.
Короткими стёжками станет дорога,
Но грязью — избитая ливнем равнина.
Большими кусками легко подавиться,
А малый не нужен... Коварно-наивно
Мне жизнь напроорочит кликуша-кукушка,
Рассыплется чёрным горохом тревога.
Я буду беззлобна, я буду послушна,
Я буду...
Оставьте меня, ради Бога.

Однажды станешь ты сверчком
Запечным
Трещать о вечном.
Сверчки живут по одному
(Шестки не парны).
Хоть не понятны никому,
Но не коварны.
Душа
Не имеет значенья,
Чем была хороша,
Только из заточенья
Упорхнула душа.

Разве это не видно?
Я пуста, холодна.
Но ничуть не обидно:
Не нужна мне она.

Всё болела да ныла,
Умоляла понять...
А вот было, да сплыло.
Можно ладанку снять.

Всё мечтала напеться -
Смело связки рвала.
Так хотела согреться.
И сгорела дотла!..

Лёгким пеплом слетела
И с водою стекла...
Вот и славно! А тело
Не живее стекла.

Ничего не желаю,
Не гадаю вперёд.
Посмотри: остываю.
Скоро буду как лёд.

Негромкое слово,
 неслышная просьба.
И к часу придти.
 и до часа расстаться.
И мятые груши в потёртой авоське.
И что там ещё? Впереди?
 Не толкаться!
Чтоб в меру!
 Не в меру
Зачем-то хлопчешь:
Ах, жить бы примерно!
Живи, как захочешь!

Горюй, когда сердце
 сожмёт горюниха,
И вот тебе счастье,
 а вот тебе лихо...
И кто его мерил
 семь раз,
 чтоб дороже
Продать?
 Не торгуясь,
Бери, что предложат.
Холодные пальцы
 коснулись узора
Морозного, будто вплетаясь.
И утро возникло
 в отдёргнутых шторах.
Ну что там? Ну что там? —
 Кричишь, задыхаясь.
А что там?
 Безмерный покой и игривость,
Беспечность ветров,
 беспредельность прелюдий,
И жизнь бесконечна —
 нежданная милость!
Нет меры ни в чём!
 Её создали люди

Фантазии на тему

Стена кирпичная,
и сквозь пролом — дорога,
И чёрный экипаж.
Как буковка,
отставшая от слога,
Растерян страж.

Свисает парус
с невысоких падуг
У края вод.
Обужен

коромыслом радуг
Небесный свод.

И двое нас,
летающих в мути звёздной
Без всяких польз.
Возможно ли?
Так вместе и так розно.
Так не всерьёз.

Вадимир Трусов
Осеннее бесприютное

Оттепель. Выкрутасы скупой зимы.
Впору бы снега или просить займы,
Или купить. Да видишь ли, братец мой,
Нет ничего дороже, чем снег зимой.

Вот и сегодня он пополам с дождём.
Ладно уж, настоящего подождём.
Пусть ожидание может продлиться год,
Стерпим и это. Сколько еще забот,

Кроме погоды! Если бы лишь она
Определяла лучшие времена,
Всем, очевидно, было бы по душе
С милыми рай устраивать в шалаше,

Где потеплее, скажем, в субтропиках.
Если же наше счастье у нас в руках,
Что ж мы доселе счастья не обрели,
Не уступив ни пяди родной земли

На побережье северном? Я о том,
Что оно южное. Впрочем, житейский шторм
Часто опаснее тех, что несёт Гольфстрим.
Знать, о погоде попусту говорим.

Осеннее бесприютное

На задворках сентября
Хохлома и гжель.
Через месяц, растеряв
Щедрых сторожей,
Приносивших на базар
Фрукты Гесперид,
Осень выплачет глаза
И дотла сгорит.

Вот тогда наверняка
И зиме пора
(То ли прямо из мешка,
То ли из ведра)
Рассыпать по целине
Крошево тоски
И тоской тебе и мне
Серебрить виски.

Или сбавить под сукно
Грязь невинных лет.
И надежду (всё равно
Что озимый хлеб)
Оставлять на чёрный день,
Иссушив сердца
Неустроенных людей
Верой в чудеса.

А потом сходить с ума
От самой себя
И раскачивать дома,
Воя и трубя
В продувных парадняках;
И встречать рассвет,
Убаюкав на руках
Наш пропащий век,

Где душа белым-бела,
Только извелась.

И любовь (поскольку зла)
Мигом отдалась
За двадцатку нерублей
Ради пары строф.
Так значительно теплей
Без угля и дров.

Не убитый субботний вечер:
Уйма времени - сколь ни трать.
Нарисованный человечек
Заперт в клетчатую тетрадь,

Где и в будни-то жизнь – малина
С нарисованного куста.
Календарного равелина
Олимпийская глухота

Искушает взроптать любого:
Мол, достоин судьбы иной,
Пригодился бы для альбома
Хоть картинкой переводной

И на фото мог выйти чётко,
Коль подкрасить да причесать...
Даже я, на Доске почета
Отказавшийся закисать,

По страницам воспоминаний
Пробиваю неровный шлях,
Разрушая диагонали,
И витийствую на полях,

Рассыпая чернильный кашель,
Бесполезный наверняка.
Но бывала промокашка
Осторожного языка

Сохраняет от мира в тайне
(Я ведь истинный партизан),
Что появится золотая
И раскрасит мои глаза.

Осеннее неизбежное

Выйди на улицу - мигом поднимешь ворот,
Да и рванёшь, в походку вплетая бег.
Юго-восточный нынче штурмует город,
Ливень створожив в первый как будто снег.
Это всего лишь милый каприз осенний,
Шторм в Заполярье дышит куда сильнее!
В общем, с погодой издавна здесь веселье,
Волей творца озёр среди сплошных камней.
Славная всё-таки девушка - Монче-тундра!

Сколько сердец разбито и пленено!
Сладить с красавицей, ох, как порою трудно!
И на любви споткнуться немудрено.
Страсти, всерьёз поклонников укатавшей,
Вечная память - главная из примет.
Значит, не зря сказал мне братишка старший,
Что отставных мончегорцев в природе нет!

«...с подлинным верно». Частности отмечая,
Впору скрижаль тревожить лихой строкой.
Разве сравнится с ней похвальба пустая
(Нам, дескать, местным, разницы никакой,
Стихнет стихийное гульбище в поднебесье
Или шарахнет сызнова по своим!),
Коль зачастую даже словами песни
Благоразумно жертвовать норовим.

Осенью здесь что ни день - коротышка мгlistый,
Толком-то и в глаза ему не взглянуть.
И вместо солнца, сникшего по-английски,
Для воспаленно верящих в светлый путь,
Дальний прожектор, если однажды выстрелит,

Не уточняя, где окопался враг,
Только по озеру тропку всего и выстелит -
Тропку, с которой шаг вправо, шаг влево - мрак.

К слову

Я живу потому, что когда-то рождён,
И господь меня грешного терпит покуда.
А ещё оттого, что любовь (убеждён!) -
Это всё-таки самое главное чудо.

Не снискал я регалий и прав не качал:
Обрету всенародную, дескать, известность.
Ибо чтящему слово началом начал
И наградою может быть только словесность.

Не прощай нам, Господи, ничего!
И когда десятком на одного,
И когда один супротив толпы,
И когда кривые плодят слепых,
Обещая, будто начнет светать.
И когда распродана красота.
(А чего жалеть, всё равно сгноят!)
Коль не оскудеет рука твоя,
Наши не отсохнут. Давай ещё!
Убивали, грабили - нипочём!
Крашеными яйцами по зубам,
Да тремя перстами в коросту лба,
И пошло-поехало! Рви гармонь!
Ковыряла гвоздиком си-бемоль
Перепошки хилые детворе.
Занялась лампадою на воре
Царская корона. Пожар слегка
Тронул сивый валенок парика
Горечью легенды о целине.

И любовь скребла прошлогодний снег,
Вычисляя рта онемевший ноль.
Колосились мертвые за спиной.
Заварило солнышко иван-чай.
Ничего мне, Господи, не прощай!

Маленький город,
Стеклянный насквозь, -
Общий дверной глазок.
Ежели кто заколотит гвоздь
Или чихнёт разок,
Где эта улица, где этот дом,
Сразу любой поймёт.
Тайны чужие – они, пардон,
Точно целебный мёд,
Нас выручающий в холода...
Что же стряслось со мной?
Где эта барышня, навсегда
Ставшая мне родной?
Не отыскать! Хоть кричи: Ау-у!
Нищий смешной простак.
Верно, помстилось, и наяву
Было совсем не так?
Поиск надежды – напрасный труд,
Ибо пуста скрижаль,
Сердце немеет, гадалки врут,
Да и себя не жаль.

Московский государственный университет тонких химических технологий имени М.В.Ломоносова

Московский государственный университет тонких химических технологий им. М. В. Ломоносова – один из старейших химико-технологических ВУЗов страны, который ведет свою историю от Московских высших женских курсов (МВЖК) университетского типа (1900 г.).

Важной миссией МИТХТ является подготовка элитных кадров для наукоемких химических технологий, востребованных прежде всего российским рынком труда.

МИТХТ эффективно осуществляет подготовку специалистов высшей квалификации через аспирантуру и докторантуру по 23 научным специальностям. При университете функционирует 8 докторских диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Неуклонно расширяются связи МИТХТ им. М.В. Ломоносова с промышленностью и бизнесом. Нашими партнерами являются Группа «ОНЭКСИМ», Группа «Лукойл нефтехим», ОАО «Сибур Холдинг», ОАО «Сибур Русские шины», НПП «Полипластик» и др.

Студенты принимают активное участие в работе турклуба, спортклуба, фотоклуба, киноклуба, изостудии. Многие творческие коллективы объединяет культурно-досуговый центр МИТХТ.

Университет поддерживает постоянные научные и образовательные контакты с Вроцлавским технологическим университетом (Республика Польша), Федеральной политехнической школой Лозанны EPFL (Швейцария), Норвежским университетом наук и технологий в г. Тронхейм, Технологическим университетом г. Росток (Германия), Университетом г. Пардубице (Чешская Республика), Университетом Восточной Финляндии, Харбинским технологическим институтом (КНР) и мн. др.

МИТХТ полностью обеспечивает иногородних студентов и аспирантов местами в общежитии. В распоряжении университета имеются общежития общей площадью 30 тыс. м², рассчитанные на 1400 мест (пр. Вернадского, 86) и 400 мест (в Дорогомиловском студгородке).

Наш адрес: 119571, г. Москва, пр-кт Вернадского, 86
Тел.: (495) 434-74-44, факс: (495) 434-87-11,
E-mail: mitht@mitht.ru, <http://www.mitht.ru/>

Елена Муссалитина
Не стучись напрасно в двери рая

Ад и рай

Не стучись напрасно в двери рая —
Всё равно друзья твои в аду.
Мысли по утрам перебирая,
Думаешь: вот к ним и попаду.

Только в ад заказана дорога.
Сатана и сам давно не рад:
Набралось людей хороших много,
Ад теперь стал не похож на ад.

А Земля — совсем другое дело —
Вот где люди корчатся в аду:
То войну ведут осточертело,
То поют под яблоней в саду.

Жизни в гору тянется дорога —
Горький плач сменяет звонкий смех.
Люди все забыли мир и Бога...
Да и ты — один из этих всех.

Ты идёшь над пропастью по краю
И руками ловишь солнца нить.
Рай закрыт, и в ад не принимают.
Остаётся только жить и жить.

Черника

Пара фотографий под стеклом
На сукне дубового стола:
Старый дом — давно пошёл на слом.
Бабка Акулина — умерла.

А ходила по чернику в лес,
Ведь леса-то наши — красота! —
И боялся как болотный бес
Бабки Акулинина креста!

А к полудню из леса придёт,
Посошок запрячет под скамью,
Пирогов с черникой напечёт,
Потчует соседей и родню.

Всех дороги жизни развели.
И кому — сума, кому — тюрьма.
Хороша деревня — да снесли,
А в лесу черники — просто тьма.

Уходят в город люди,
И меньше стало пашен.
Не тот Россию любит,
Кто кулаками машет.

Не тот, кто сочиняет
Концепции и речи,
Кто в залах заседает,
Расправив гордо плечи.

Уходят в Люди люди,
А Родина — босая.
И тот Россию любит,
Кто землю не бросает.

Земляника

Глядят кресты и камни разнолико.
Так тихо и светло в нездешнем крае.
На кладбище созрела земляника,
Но ягоды никто не собирает.

Пунцовые, упругие, тугие —
Из зелени травы глядят так ярко...
Не нужные умершим. А живые
Боятся трогать скорбные подарки.

И птицам земляника достаётся.
И начинается разнотравье лето.
А сторож дед Матвей, крестясь на солнце,
Мне говорил — вкуснее ягод нету.

Когда задумчивый раввин
Тебя на Путь благословит,
Ты скажешь: «Рана, не крови!»
И сердце примет прежний вид.

Ненужный хлам отдав в музей,
Тебе останется одно:
Искать потерянных друзей
И пить кошерное вино.

У золотого Будды
В сияющих глазах
Искрятся изумруды
И отражают страх,

С которым молчаливо
Ты на него глядишь.

Качает ветви ива
И источает тишь.

Мулла взошёл на минарет.
Тебе пора в дорогу.
Наверно, знает он секрет,
Как достучаться к Богу.

Как сладко пахнет пахлавой!
В молитве успокойся.
А что шакалов слышен вой —
То — ничего, не бойся.

Вот крест. Колени преклони.
В часовне пахнет мятой.
Как странно: вы сейчас одни:
Ты и Христос распятый.

С небес снисходит благодать —
Утешишься, рыдая.
Гресишь и каешься, опять
Гресишь, а Он страдает.

Когда запирается полночью дверь на засов,
Луна фокусирует память задумчивых сов,

На миг расширяя и снова сужая зрачки,
И в пламя забвенья послушно летят светлячки.

Тыходишь неслышно в судьбу, как цыган-конокрад,
Ты сеешь обман, да и сам обмануться бы рад.

Призывные взгляды и нежности пара минут —
Они до добра никого уже не доведут.

Родных и друзей ты во всех злключениях винишь.
И крыльями хлопнет в ответ желтоглазая тишь.

Всё так же один и по-прежнему гол как сокол,
Повсюду — от счастья осколки, осколки, оскол...

Сочинители

Позади — прощёные грехи.
Впереди — в конце тоннеля свет.
Он умеет сочинять стихи
И давно решил, что он — Поэт.

У него — успех у зрелых дам
И незрелых, ветреных голов.
Молод, а умён не по годам.
Он умеет сочинять любовь.

Он боится наступить на грязь,
Длинный шарф на шее теребя.
И зачем игрой я увлеклась,
Так бездумно сочинив тебя?

Нефритовый Будда в нирване лежит,
И светится тайной волшебный нефрит.

Ты выпьешь сто грамм, примешь с пеною ванну
И тоже, как он, погрузишься в нирвану.

Видения странные будут потом
Сквозь дым сигарет... Только разница в том,

Что Будда нефритовый видит рассвет
И чувствует счастье и мир, а ты — нет.

Жемчужины

А мы с тобой простужены,
Врачами позабыты.
Да мы с тобой — жемчужины,
Что в ракушках сокрыты.

Лежим в песках под кручею
И ждём своей минуты,
И щупальцами жгучими
Нас оплетают спруты.

Катятся волны пенные,
А море позабыло
Про жемчуга бесценные
Среди песка и ила.

Со мной ты объездил полмира.
«Куда мы поедем?» — ты шепчешь на ушко.
Давно утопает квартира
В смешных сувенирах, пустых безделушках.

Всё выбросить скопом не жалко,
И, верно, я сделаю так — что за норы!
Но только не трону подарка —
Два камушка серых — от невских просторов.

Там вечны мелодии мая,
И также разводят мосты, посмотрите.
И я говорю, засыпая:
«Пожалуйста, милый, возьми меня в Питер...»

Между мною и тобою —
Лунная дорожка,
А по ней идёт спокойно
Голубая кошка.

Ей спешить домой не надо,
Ей не надо в гости.
В глубине ночного сада
Есть ажурный мостик.

На него она залезет —
Быть к луне поближе.
Капли света на железе
Языком оближет.

И мурашки в самом деле
Пробегут по коже...
Для чего-то жизнь нас делит
На котов и кошек.

Мария Пелевина

Человек, который нёс свой огород

Любовь к деньгам

Антон Филиппович очень любил деньги. Каждую полученную купюру он любовно разглаживал, поворачивал и бережно опускал в свой кошелек. В кошельке его всегда царил безупречный порядок: деньги лежали аккуратно, строго по своим отделениям: копеечка к копеечке, рублик к рублику, десяточка к десяточке. Антон Филиппович, сколько себя помнил, всегда жил в тесненькой квартирке, годами носил одни и те же, по несколько раз штопанные вещи, отказывал себе во всяческих удовольствиях, не курил, не выпивал, не гулял с женщинами, даже на службе не участвовал в массовых мероприятиях.

По утрам Антон Филиппович питался овсяной кашей на воде, днём старался вообще не есть или перехватить на ходу что-нибудь дешёвое, а вечером, как он считал, есть вредно, да и вообще на ночь много не едят.

Антон Филиппович всегда ходил пешком, никогда не посещал театров, музеев, кино и старался

как можно меньше находиться на свежем воздухе, потому что так можно нагулять аппетит, а это совсем ни к чему.

Единственным любимым занятием Антона Филипповича было пересчитывание денег. Он часами мог разглядывать свои бумажки и монетки, как бы изучая их; они так грели душу!

Хранил Антон Филиппович деньги у себя в кошельке, с которым никогда не расставался. Хранение денег дома он считал небезопасным, потому что квартиру всегда могли обворовать, в банке — нецелесообразным, ведь хоть изредка, но за обслуживание банка нужно было платить. К тому же, когда Антон Филиппович носил деньги с собой, он переживал удивительное спокойствие.

Когда кошелек надулся до того, что его невозможно было закрыть, Антон Филиппович вынимал оттуда все деньги, пересчитывал, аккуратнейшим образом складывал и относил в приют для бездомных животных. В приюте он был дорогим гостем, его очень любили: Антон Филиппович всег-

да был вежлив, немногословен и постоянно улыбался. Даже при выходе из приюта улыбка не сходила с его лица, он чувствовал себя полностью счастливым от того, что уже рисовал в воображении, как он получит и опустит в кошелёк следующую купюру. А потом ещё одну и ещё. И ещё, и ещё, и ещё... Кошелёк будет наполняться, счастье Антона Филипповича расти. Затем кошелёк снова распухнет, и тогда Антон Филиппович опять отдаст деньги в приют, и можно будет начать всё сначала. Так думал Антон Филиппович каждый раз, выходя из приюта. Антон Филиппович очень любил деньги.

Трое суток

В этом отделении для тяжелобольных было принято умирать лицом к стенке, чтобы другие не видели ничего лишнего. Максим Максимович очень любил поспать на боку, особенно на правом, а если ещё можно было отвернуться к стенке, то это бывал самый прекрасный сон, какой только мог быть. Максим Максимович, обнаружив возможность поспать на правом боку, отвернувшись к стенке, тут же ею воспользовался. Отделение, конечно, не ахнуло, но с удивлением посмотрело на решение новоприбывшего.

Через некоторое время появился врач. Увидев Максима Мак-

симовича, повернувшегося к стенке, тут же подбежал к нему, присел на край кровати и стал отчаянно теревить своего пациента.

Максим Максимович не спеша повернул голову в сторону врача и уже почти что открыл рот для вопроса «в чём дело?», но, увидевши выражение лица врача, тут же передумал. Никогда ещё Максим Максимович не видел паники на лицах врачей. Теперь же он крайне удивился: брови врача были вскинута вверх, очки упали на кончик носа, глаза сверкали, в это время врач не переставал теревить его, а тут ещё и усы врача задвигались быстро-быстро, как бы подавая SOS:

— Вы что, Вам ещё рано!!! — выбили первые слова усы. Казалось, что говорит не сам врач, а его усы.

— Да ведь времени-то уж сколько прошло, — хотел было возразить Максим Максимович, безуспешно пытаясь отыскать взглядом часы. Он решительно не находил ничего дурного в том, чтобы немного поспать.

Но усы не унимались:

— О чём Вы толкуете, у Вас ещё всё впереди!

Максим Максимович никак не мог понять настроений врача и одарил его недоумённым взглядом, но тот ничуть не смутился.

Максим Максимович, всё ещё крайне удивлённый, решил уточнить:

— Позвольте, а когда же я смогу...

— Не беспокойтесь, сможете. Мы

Вам поможем, и всё сможете. Сутки через трое, — отстучали проникнутые оптимизмом усы.

Максим Максимович был человеком понятливым, и ему не нужно было повторять одно и то же по многу раз.

Спустя трое суток Максим Максимович умер.

Человек, который нёс свой огород

С пригорка спускался человек. Издалека было видно, что это старик: походка его была неспешна, спина сутула и сопровождал он себя невнятным бормотанием. Всё в нем было обычно, привлекало лишь одно — то, что он нес на спине. Это было похоже на кузов от брочки, напоминавший большой деревянный ящик. Старику было очень тяжело его нести. Передвигался он очень медленно из-за того, что боялся уронить свой драгоценный груз.

Это был огород Ивана Ильича. Иван Ильич был человеком, который нёс на себе свой огород. На этом огороде росла капуста в форме огромных зелёных яблок и морковь, которая, как казалось, будто на посмешище, вкопана в землю лишь наполовину. Так же рос лук, который был похож на обыкновенный куст сорной травы.

И тут Ивана Ильича случайно задел проходивший мимо

мужчина, который явно куда-то спешил. Но даже небольшого толчка хватило для того, чтобы старик споткнулся, упал и уронил свой огород...

Капуста покатила по тропинке и плавно превратилась в арбуз, морковь исчезла, а лук пророс в земле. Иван Ильич лежал на земле и пытался подняться, но не мог: земля стала глиной, перемешанной с грязью, и создалось месиво, в котором трудно было находиться. Но Иван Ильич сделал усилие и встал. Он устало опустил руки на колени и медленно покачивал головой из стороны в сторону, в знак полного его отчаяния и безнадёжности ситуации. Иван Ильич хотел погрози кулаком вслед уходящему мужчине, но вместо этого тихонько заплакал и с горечью сказал: «Эх ты, я ведь уже два года ношу свой огород и не могу его продать...» Несмотря на то что мужчина ушёл, кажется, довольно далеко и, вроде бы, куда-то спешил, он несмело развернулся и добежал до старика. Воровато озираясь по сторонам, он стал быстро собирать всё обратно, и вскоре огород был восстановлен. Иван Ильич и незнакомый мужчина некоторое время стояли друг против друга.

Они встретились взглядами. Иван Ильич смотрел устало, но в его глазах было что-то такое, что говорило о вечности, и в то же время в них виделось неопознанное. Лукавый старческий взгляд

сразил взгляд властного мужчины, который гордо смотрел поверх всего; мужчина чудным образом смог увидеть в глазах старика удивительно молодую душу. Мужчина отвернулся в сторону, как будто о чём-то задумался, потом достал из кармана деньги, сунул их Ивану

Ильичу и быстро зашагал прочь. Старик ещё некоторое время смотрел ему вслед, потом молча поднял на спину свой огород и степенно пошёл дальше. Денег он не взял. Его глаза улыбались, и вся душа его наполнялась счастьем. Он очень любил свой огород.

Родион Прилепин
Безымянный

Продаёшь безымянный в кольцо.
Человек человеку — ад.
Не звучат здесь ни А. Кольцов,
Ни А. Блок, ни другие А.

Утром в девять покупают тебя.
Утром в десять уже продают.
Человек человеку — яд.
А про брата, наверное, — врут.

Вспоминаешь, как тебе было шестнадцать. Умоляю, дыши!
Я ведь тоже обнимаю шест.
Не за деньги — мой стриптиз души.

Хватит! Всё это — наркозавод.
Человек человеку — жизнь?
Не звучит ни Шершеневич,
ни Мариенгоф,
ни какой-то другой имажинизм.

Вокруг похотливый мир.
И пялится только на грудь.
А в душе твоей столько дыр!
Что никакими поэтиками —
не заткнуть.

Какой вечер мечтаешь, что
убьёшь или хотя бы умрёшь.

Какой распутный мир! Сто
одеж и все без застёж...

Человек.
Человек на нём...

Не понюшка. На столе конверт:
«Мамочка, ты скоро вернёшься?» —
В нём.
Только эти стихи отменяют смерть.

В долгу перед вечностью —
Каждый живой.
Тело — брренное мясо. Шрам!
Потому я сердцем — родня с тобой,
Мы оба — стражи.
И душа — наш храм.

Крылья

Невыпитая истина в стакане.
Романтика всё чаще портит день.
Наземн я: и в общем, и местами,
И тень моя — всего лишь просто тень.

И для себя навечно уяснил я,
Что потолок мой — просто чей-то пол.
Наверно оттого, что свои крылья
Я на ночь снял, а утром не нашёл.

У них тополя там —
Длиннее.
Да и вербы в обхвате —
Толще.
В лужах из рук водолея
Раки хитин полощут.

Поля там
С размахом вселенной.
Ни времени нет, ни горя.
Звёзды —
Пшеничное семя.
Сном
Близнецы его поят.

Как яблоки, сыплются в небо
Плоды,
Что там названы солнцем.
Жуют их тельцы и овны,
А дева над ними смеётся.

И мудрые —
Плавают рыбы,
Ударяя планеты —
Хвостами.
Козероги ворочают глыбы,
Скорпионы кометы кусают.

Там спокойно.
И незачем драться.
Уцепившись за львиные гривы,
Стрельцы тренируются
В дартс там.
Гордо целятся в чёрные дыры.

И меж этим всем -
Прекрасным -
Пролетают и души людские
На весы,
А на дальней чаше —
Божье слово и Божье имя.

Роман Япишин
Нас с тобой разотрут в слова

Середины

Нас с тобой разотрут в слова,
Нас с тобой заберут витрины.
Ты — и стонет моя голова,
Ты — и стынет моя голова.
На висках выступает иней.

Бесконечный объем рябит
Фонарей. Фонари, как раны,
Округлённые до орбит.
Резкий свет заполняет быт
Океаном, текущим из крана.

Кто-то мучает нервопровод.
И в чужом отсыревшем доме
Раздражает обилие нот.
Мы отсюда сбежим вот-вот,
Как сбежали сюда. Только помни,

Выходя за пределы нуля —
К нам приложены середины.
И теперь - ни с чего и не для -
Мы с тобою, других деля,
Обязательно станем делимы.

Светоболезнь

Этот чёрный фонарь, как и ты,
При наличии тьмы — максимален.
Угрожает дойти до черты
Отражением в мелком канале,
Где раскрыли по-рыбьему рты
Сотни спален.

Тем телесней его световство,
Чем надрывней горение окон,
Неспособных внести ничего
Пожелтевшим от вечности током
В притекающий к ним небосвод
Синим соком.

Та же редкая светоболезнь
У тебя, ты — такая же точно!
Проверяешь свою светотень
Темнотой на весомость и прочность.
Внесена ненароком в день,
В ночь — нарочно.

Та

Наблюдай, как меняется час.
У меня для тебя есть имя.
В этом имени меньшая часть —
Это ты. Остальное — пустыня.

От тебя наибольшие сны
Мнутя, распространяя минуты.
Наблюдай за полетом осы,
Наблюдай, принимай вовнутрь.

Как шуршанье увесистых крыль-
ев тебя переносит отсюда -
Наблюдай. Я сегодня открыл
Звук сосуда,

Обращённого к ветру. Лицом
 Обнажившего женское горло.
 Наблюдай этот звук, если в нём
 Станешь голой —

Это то, о чём я говорил,
 Строки будут длиннее и чётче.
 Ты, напротив, по счету три
 Тонким телом заполнишь мой почерк.

Наблюдай. Отрицание сна —
 Это новый прорыв в медицине.
 Наблюдай, Ты уже не видна
 Никому. Только буквы. И с ними

Завершишься, понятная мне,
 Этим именем *прочерк*. От прочих
 Слов отдельно. И наедине
 Даже проще.

Наблюдай, заключенная в не-
 (без)известном стихе. Вся построчно
 здесь (и родинкой на спине,
 ставшей этой последней .)

Рыбы

Расскажите, рыбы,
 Как легко тонули
 Те, кто по натуре
 Каменные глыбы.
 Мы так не смогли бы
 Рассказать вам, рыбы.

Рыбы, нашепчите,
 Как ваш воздух зыбок
 В мире без улыбок,
 Без больших событий,

Где-то у Таити.
 Рыбы, нашепчите.

Начинает сердце
 Биться откровенней,
 Будто нет делений:
 Ритмов, звуков, терций.
 Никуда не деться,
 Мир — большое сердце.

Это ваши тайны
 Проникают с моря
 Стройным птичьим хором —
 Скрытый, нелегальный
 Вид переговоров.
 Ловят рыб жандармы
 На крючки за тайны.

И так сказал он: «Я почти пришёл,
 Зелёных мух с осиными глазами
 И острыми, как жала, волосками
 Вытаскивать из мёда диких пчёл

И отпускать к луне, за буераки
 Космических картонных рубежей!»
 Вы скажете, что это явно враки.
 Я соглашусь, без всяких возраже...

Невесомость

В твоих глазах прозрачные коты,
 В твоём саду крылатые львы на ветках клёна.
 Тебя считают легкомысленной, а ты...
 Ты — невесома.

Ольга Пинигина
По колкому следу в полуночи улиц

Что скажешь, друг? А что тут скажешь? Нечем
Лечить хандрящей памяти болячку.
Как незачем любви у Бога кланчить —
Он любит тех, кого пометил сам.
Ты знаешь, друг, уж если кто и вечен
Единственно — Харон, везущий клячу
Надежд последних, выданных на сдачу
За пропуск — от забвенья к небесам.
Ты веришь, друг, я тоже знаю цену
Безвременья, в котором жизнь на мушке
Ловцов слепых, что вечно ищут души,
Летя на запах проданных ночей.
Ты знаешь, друг, а в жизни, как на сцене —
Пристрелен будешь ты или задушен,
Играй, пока хотя б кому-то нужен.
До смерти. И не спрашивай — зачем...

Виделись вспышки. Гроза подступала близко.
Чудились крики. Может, то ветер плакал.
Или подъездный Ромео девчонку тискал.
Нехотя капало время с карниза в миску...
Виделся сон, будто я родилась собакой.
Странное дело — больших перемен не вышло:
Блинчики жарят с мясом. Фальшивит флейта.
Ближе земля. И немного повыше — крыши.
Не приосанилась грудь, но полнее дышит.

Да захотелось залаять на всех на свете.
Чтобы взахлѐб, подминая под лапы вечность,
Чуя ноздрями пыль от твоих ботинок,
Мчаться в грозу, подставляя под ветер плечи,
Зная наверно — тебе поделиться нечем,
Разве что этим — ЗдорОво! Дай лапу, псина!
...Не было грома. И не было сытых молний.
Били зарницы, сердце дырявя метко.
Степи Хазарии или дворцы Вероны —
Там, где ты теплишься, верные псы не модны.
Здесь, где я вымерзла, добрый хозяин — редкость.

И вот я у входа. И трогаю двери.
И двери к ладони прильнули приветно.
И дверь остаётся толкнуть. И поверить,
Что там, за чертой, антиподом материи
Жизнь, озарѐнная светом.
И свет перевозчанен. И свет неизбывен.
Без граней. Без вспышек. Почти идеален.
В нём все обо всех, обо всѐм позабыли.
И я в этом свете — мерцанием пыли
Всегда — не в конце, не в начале.
А там, за спиной, приглашают на жертву,
Хохочут и плачут. И хлещут и гладят.
И правят огонь по законам сюжета.
И платье — на выбор. И к платью — горжетка.
Немало для выбранной в бл-ди.
И так — от шумеров, аккадцев и прочих.
И так — под неспешные арфы и лиры.
Итак... Соглашаться? Мой панцирь непрочен,
Мой ум незащищен от вязких пророчеств
Слепых толкователей мира.
Здесь пряжа готова. Там скручены нитки.
И петлей Вараввы невинного судят.
И все обещают оконченность пытки...
...И кто я меж ними? Всего лишь попытка
Извечного поиска сути.

По колкому следу в полуночи улиц
 Вдоль окон чужих по знакомой дороге.
 Там тени друг друга щеками коснулись,
 Вчера ещё — паиньки и недотроги.
 Вчера ещё мудрые мудростью книжной —
 В касанье несмелом утратили силу.
 И в слабости стало понятней и ближе
 Всё то, что хотели бы, да не просили.
 Не так. Не простили бы то, что хотели...
 И снег пустотой ретушировал лица.
 А я сатанела от этой метели
 И была ночами холодной волчицей.
 И где-то во Франции дули мистральи.
 И звёзды рождались. И рушились зданья.
 И вымерзли чувства. И льдинками стали.
 Все чувства... Осталось одно — осязание.
 За ним я летала в пугающей выси.
 Его я хранила в провалах забвенья.
 Искала в моих ускользающих мыслях
 Единственно нужное — прикосновение.
 Мне плохо. Мне страшно. И снежные сети
 Раскинуты ловко в полуночи улиц.
 Лишь робкий набросок по-прежнему светел —
 Две тени друг друга щеками коснулись.

Ярмарка

— Подходи, честной народ! Всё для вас по низким ценам!
 Лечим, бреем, веселим, покупаем, продаём
 Всё — от томика Дюма до трактатов Авиценны
 За полушку или так, навсегда или внаём.
 Я шатаюсь по рядам. Я не знаю, что мне надо.
 А вернее — знаю, но разве это продают?..
 ...Суррогат высоких чувств так светло сочится ядом,
 Что легко поверить — вот то, что надо, абсолютом.
 В три ряда любой каприз — счастье, страсть и вдохновение.
 Дальше — больше: дружба, честь и надежд смущённый взор.

Я под храмом этих благ без кагора соловею,
 И мечта моя парит. И не видит горизонт.
 А с набором высоты тесно крови — в каждой вене.
 — Да очнись же ты, — кричит, — ну куда же ты, стой —
 Вместо искренности вновь иллюзорность откровений.
 И привязанность опять обернулась пустотой.
 — Замолчи! Отстань! Не смей! Мне так легче, мне так проще.
 Это ты течёшь лишь там, где проложены пути.
 А душа моя — разлив, наводнение. Ну, в общем,
 Как в народе говорят — ни проехать, ни пройти...
 Я не верю никому. Будьте сотню раз вы правы,
 Ваши сети — в язвах лжи — в них меня не изловить.
 Мне советы не нужны. Я не стою ваших правил.
 Я — бродяга и изгой — верю в истинность любви.
 ...Я слоняюсь по рядам. Что мне надо — я не знаю.
 А вернее — знаю, но разве это продают?
 Я слоняюсь по рядам. Сотни лиц — воронья стая.
 Ничего не попрошу...
 Я сегодня — подаю...

Это вам не Швеция,
 Это вам не Дания,
 Это Свиноедово —
 Избы кругом — в пляс!
 Тут моя Флоренция,
 Ницца и так далее.
 Скажут — скука дедова,
 Мне же — в самый раз.
 Мне же это — вольница
 От кнута столичного,
 Распускаю волосы,
 Расплетаю смех,
 Зазовёт околица,
 Проскрипят наличники —
 Пропади ты, молодость,
 Слава и успех.
 И пока не выгнали,

Не сломали заспанной,
И покуда вицами
Стыд не полоснул,
И пока не крикнули:
Ну-ка, руки за спину!-
На плече провинции
До утра усну.

Я — студёная вода.
Я — Владимира крещение
В византийские года.
На меня тебе молиться.
На меня сменять кафтан.
Я — весёлые моништа
На расшитый сарафан.
Я — веселье. Я — вечерня.
Я — босая пыль следа.
Я — кочевье. Я — кочевник.
Я — студёная вода.

Мы набожными не были,
Не мучились безверием.
Заглядывались — в небо ли?
В бессмертие, наверное.
Срывались в мысли пьяные,
Пропавшие — по пятницам.
И песни безымянные
К цветастым липли платьицам.
Героями не вызрели.
И в тати не посмели мы.
...А георгинов выстрелы
Растащены метелями,
И прорастают шёлково
С безумным сучьим лязганьем

В Перми, Твери да Щёлково
Над детскими колясками.
Проспали или продали,
Пропили на три стороны...
Над изразцами Родины,
Как над крестами, — вороны.

Ольга Кузнецова
Стихов перетертое золото

Стихов осыпается золото.
Сады высыхают висячие.
И вечером хмелем и солодом
Глаза продираю незрячие.

Спокойные сны запаролены.
Надежные явки провалены.
Подушка и простынь просолены.
Любимые книжки засалены.

Тебя заменяю вкушением
Бодрящего крепкого варева
И думаю, что за прощением
Прощение будет подарено,

Что слово возьмёт - да исправится,
А вот не случается повода...
По пальцам стекает и старится
Стихов перетёртое золото.

Продли, Господь, весну мою в раю.
Пошли снега, но только не изгнание!
Какие птицы легкие поют -
Ни серебра не просят, ни признанья...

Позволь и нам такую верой жить,
Чтоб не стенать у запертой передней,
И в чёрный день давать, а не просить,
И ни о чём не сожалеть в последний.

Моё созвездие - Лебедь,
Таинственный южный крест.
Мне лет без малого - девять.
Сознательных - только шесть.

Мне нравится быть ребёнком,
Мне хочется знать с нуля,
Как в небе на нити тонкой
Удерживается земля.

Я взглядом тянусь упрямо
К загадке и выше - за
Ответами. А у мамы
Зеленого цвета глаза.

Мы обе не помним снега,
Мы в летней стоим ночи,
И где-то над нами Вега
Топорщит свои лучи,

А выше - над всеми - третий,
Невидимый нам двоим,
Которому обе - дети -
Мы слепо в глаза глядим.

О. Филатовой

если проснуться - то где-нибудь далеко,
в жёсткой постели - душной, как Палестина,

старого времени скисшее молоко
переплывая под пение бедуина.

если запомнить - то вечный изгиб горы,
свет, удивление, голубя над водою,
тени волхвов, несущих Ему дары,
ангелом ли ведомых или звездой.

если шептать - то четырнадцатый псалом
в белом полудне, выжатом из жасмина,
там где горячий ветер шепнет «Шалом...»
вслед за твоим «Во имя Отца, и Сына...»

Старое фото

Моим родителям

Не убеждай меня, не надо,
я и сама хочу туда,
где в складках яблочного сада
стоит остывшая вода.

Где тишина и отпечатки
возлеусадных работ:
ведро, садовые перчатки,
тележка с щебнем у ворот...

Но рай забыт, забыты ставни,
заставлен дом инвентарём,
лишь мы на снимках стародавних
стоим, счастливые, втроём...

Но возвращение чревато,
и обещание старо...
И осень прячет виновато
свои кленовые таро.

Артур Гайдук

Ты плачешь о прошедших временах

Стена плача - из цикла «Слово о Книге»

Ты плачешь о прошедших временах,
О временах, что тяжелее ртути,
О том, что мир стоит на перепутье,
А твой народ запутался в словах.
Ты плачешь, так поплачь же за меня,
В смятенье слов выплёвывая горе –
Пусть на чумном пожизненном подворье
Взметнётся ветер прямо из огня.
И пусть золой засыплет колею,
В которой жизнь скользит неумолимо,
А те дороги, что выводят к Риму,
Пусть назад из Рима уведут.
Туда, где место есть для беглецов,
Где воздух от туманов серебрится,
Где над безумной воющей волчицей
Луна склоняет мутное лицо.
Туда, где смех не прозвучит как стон,
Туда, где память вырвется из плена...
А времена всегда обыкновенны,
Как смерть обыкновенна для времён.

Пастораль - из цикла «Слово о Книге»

Нас немало на склонах, где твердь обрывается круто.
Кольцеровых самцов, нежных ярок и вечных ягнят...
Если мысли пусты, значит - это удобно кому-то.
Если кто-нибудь ест, значит – это кого-то едят.

Пасторальные сны пасторально бесцветны и вялы.
В непроглядную ночь даже волку не выгулять страх.
Но грядут пастухи, и сгоняют баранов в отары,
И уводят пастись и плодиться на тучных лугах.

И, почувствовав твердь под ногами в отсутствии суши,
Обретают судьбу, и чужим оставляют дела,
И идут по воде, и спасают бессмертные души,
Почему-то не вспомнив про бранные наши тела.

19.12.2006 г.

Мошиах - из цикла «Слово о Книге»

Он так спешил из дальних палестин
до наших третьих, пятых, сотых римов.
Он даже знал,
что нам необходимо,
и так желал
спасенье принести.

И он пришел, и молвил -
«хорошо»,
но было рано всё,
всё было поздно.
И он с тоскою посмотрел на звёзды,
но даже там спасённых не нашел.

- Где муж её, а где его жена,
и кто им сторож каждое мгновенье? -
Он даже свет зажёл во искупление,
а стал не свет,
но стала полутьма.

А он спешил из дальних палестин
до наших третьих, пятых, сотых римов...
Ветра и годы проносились мимо,
и дар спасенья разметал хамсин*.
Ветра и годы - только их клянусь.

Не ради них он прежний дом оставил...
Ты умер, Каин, как же брат твой Авель?
Да,
ты не сторож
брату своему.

Что осталось от нашей любви? Только привкус потери.
Там, где раньше болело, теперь завелась пустота.
Я шепчу обречённо: не верю, не верю, не верю...
И смотрю в белизну безмятежно пустого листа.

Как тебя называть, я не знал. Да и важно ли это?
Ты сменила десятки имён за века и века.
Ты давала избранныкам видеть иные рассветы...
На плечах у поэтов твоя возлежала рука.

И теперь я прошу, и теперь я молю об отсрочке:
Ну, вернись же, вернись, мне похмельна твоя красота.
Я сжимаю перо... Но ни буквы, ни слова, ни строчки.
Только мертвая гладь беспощадно пустого листа.

Песенка про кошку

Довела меня печаль – серая дорожка,
Прохудилось на локтях старое пальто.
Бродит под моим окном ласковая кошка,
Только подольститься к ней не сумел никто.

Занавески на гвоздях, рваные обои.
Притулился домик мой где-то на краю.
Постучись ко мне, Судьба, я тебе открою,
В красный угол усажу, чаем напою.

И забьется разговор – ложкой в чашке чая.
Я не плачусь, вот еще, не было беды.

Ты про всё мне Расскажи – я-то понимаю:
Здесь нелегкая судьба, даже у Судьбы...

Довела меня печаль – серая дорожка,
Прохудилось на локтях старое пальто.
Бродит под моим окном ласковая кошка,
Только приласкать её не сумел никто.

Ангола, Куито. 2007 г.

Лунный вальс

Встречаться на том берегу небосвода -
Такая свобода,
такое веселье,
И серпик луны по законам природы
Справляет с друзьями свое новоселье.

Всё будет пристойно, всё будет красиво,
Не выпито пиво,
не брошены гости,
Но если на небо смотреть терпеливо,
То станет звезда огоньком папиросы.

А месяц прижатою пальцем монетой,
Почти неприметной
крупницей наследства,
А может быть, просто полоскою света,
Неплотно прикрытою дверью из детства.

Но круг завершится, приблизится утро,
Растают в минуту
и блики, и тени.
А серпик луны, невесомый как будто,
Свернется клубком у тебя на коленях.

2002 г.

Михаил Зверев По серой глади Кольского залива

Вчерашний снег

На цвет зимы, на свет полярной ночи
Ложится тень большого снегопада.
Смотри на снег: его запомнить надо.
Такой уже не повторится. Точно.
Вот и покров образовался новый,
Пушистый, белый... а его основа?
Вчерашний снег и, может быть, недельный,
И тот, что в позапрошлый понедельник
Лёг первым и не таял на земле,
Ковром дорогу выстелив зиме.

Он был таким знакомым и привычным,
Он радовал тогда. Но, как обычно,
Теперь другой любим и знаменит,
А тот – вчерашний. И уже забыт.
Он пообветрил, закалился в стуже
И стал плотнее, но кому он нужен?
Еще немного – станет прошлогодним,
Примерно к маю прожурчит ручьём.
И вовсе позабудем мы о нём.

Куда уходит прошлогодний снег?

Туда же, в общем-то, куда и человек.

А этот падает, всё падает на прошлый,
Ему сегодня утвердиться проще.

Он молод, и пока ему не страшно,

Что завтра утром станет он вчерашним

Теплоход «Клавдия Еланская» на рейде Североморска

По серой глади Кольского залива
Бурун случайный – белый пароход.
Великая актриса, прима, дива –
«Еланская» по Кольскому идёт.

На фоне Ретинского абрисом неброским
Проходит мимо строя крейсеров,
Сама Еланская (!) гостит в Североморске.
Короткая гастроль. И роль без слов.

Но в этом и величие актрисы –
Она молчит, а зал повергнут в трепет...
«Еланская» уходит за кулисы,
За остров Сальный, на другие рейды.

Туман качнётся занавесом с чайкой,
Вздохнёт поклонник-крейсер шапкой дыма:
Он всякий раз с надеждою встречает
Её. Но божество проходит мимо.

Гремиха... Место вовсе не подарок.
Шторма, мороз и вечный ветер острый,
Но берег Йоканьги таким теплом одарит...
Куда там крейсерам Североморска...

Саше Козлову

Всё хорошо, но выпить не с кем.
Был друг. Уехал, мать ети...
Я на листочке арабески
Рисую, словно в забытии

Плету какие-то узоры,
Хоть в рисовании балбес,
Зачем-то вспоминаю ссоры
И споры с дымом до небес...

Какая это глупость, право.
Всё было в жизненной игре -
На кухнях строилась держава.
По-честному! А на заре,

Уставшие от ссор и споров
И протрезвевшие почти,
Мы говорили: «Ну, до скорого...»
Обычно прежде, чем уйти.

Я друга обнимал за плечи.
И - кулаком в плечо - лети,
Держись, а время всё излечит,
Как будто было, что лечить...

Всё хорошо, но не до смеха.
Я там же, тот же, трезв почти.
Он прав, конечно, что уехал!
Прав, как всегда!.. Ну, Бог простит...

Екатерина Подгорнова
Чтобы Кто-то увидел Кого-то...

Лик, личина, личность

Лик.
Личина.
Личность.
Маска.
Правда, скрытая под гримом.
Чья-то добрая подсказка
Бродит где-то пилигримом.
Как узнать, не перепутав,
Где лицо, а где личина?
Как довериться кому-то,
Если ложь – всех бед причина?
Вновь вопросы без ответов...
Бытия трагикомичность.
И висят в шкафу скелетом
Маска,
Лик,
Личина,
Личность.

Еду к морю!

Первый день из трёх заветных.
Поезд мчит меня на юг!
Под знакомства и советы,
Разговор о коже рук,
О кремах для этой кожи,
О погоде, отпусках...
Спит попутчик дядя Лёша...

Без рубашки, но в носках!
- Притомился, с ним бывает.
Путь не близкий как-никак! –
Говорила, допивая
Недопитый им коньяк,
Дяди Лёшина супруга,
Тетя Рая, баба-гром.
- Ладно, спать пора, подруга!
Разговоры все потом!..
Время к ночи. Спят соседи.
Впереди ещё два дня...
Чую, весело поедем...
Море! Еду! Жди меня!

Мчится поезд

Мчится поезд. По спинам мостов,
Через реки,
озера,
болота...
Мимо улиц больших городов,
Мимо сёл,
деревень
и садов,
Через лес,
мимо горных хребтов...
Чтобы Кто-то увидел Кого-то...

Татьяна Кондратова
Объединенные Словом

(О сборнике молодых поэтов и писателей Челябинска «Электрический снег»)

Цель настоящего искусства – всегда стремление к красоте. Даже если предметом изображения являются предметы «ужасные», дисгармоничные, художник всё же приближается к красоте, напоминая, что она исчезает, что человек слишком отдаляется от ее идеала.

В каком мире живут сегодня молодые авторы (конечно, молодость – понятие относительное), но если конкретно, те, кому сейчас 15-25, рожденные в «года глухие» сменены даже не веков – тысячелетий? И какой мир они создают в своих произведениях?

На первый вопрос, думаю, ответ имеет каждый: жизнь сложна всегда, но наше время поразительно агрессивно ко всему некоммерческому, к хрупкой бесполезности слова. Вот уж воистину торжество базаровского взгляда, что «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта». Поэтому нужно настоящее мужество, чтобы, перешагнув через насмешки прагматиков, оставаться верным этому высокому служению. И мне совсем не хочется снижать торжественного пафоса, того эмоционального тона, который возник при чтении книги стихов и прозы молодых челябинских авторов «Электрический снег», вышедшей в 2011 году в издательстве «Цицера». Автором идеи и редактором стал молодой поэт Сергей Гордиевский, который, как и другие члены молодежной редколлегии, является участником молодежной литературной мастерской «Взлетная полоса». Руководит этим литературным объединением Нина Александровна Ягодинцева – глубокий и самобытный поэт, член Союза писателей России, мудрый педагог. Именно мудрый, потому что настоящий учитель показывает горизонты, рассказывает о трудностях пути, но идут к ним ученики сами. Поэтому поиски путей, горизонты открытий у каждого из учеников Нины Александровны свои. Поэтому так по-разному звучат и их голоса.

Оксана Ралкова создает мир души своей лирической героини, вы-

тягивая из глубины веков, из народных поверий и преданий, из забытого давно в городе, но сохранившегося в деревенской жизни тяжкого крестьянского труда – самые сокровенные, порой болезненные состояния, поражающие своей откровенностью:

*Уступы скал – им быть моим челом,
Ковыль-волне – волос льняною дратвой,
Рябь на воде – то губ моих излом,
Где клятва...*

Лирический герой Сергея Гордиевского предстает романтиком нашего времени, «стихотворцем заплуталым, пишущим в тиши», если понимать романтизм – по Блоку, как один из способов чувствовать, дышать. Он пытается разобраться в путанице вечных любовных коллизий: он любит её – она любит не его – и наоборот... И мечется герой (в стихах Гордиевского повышенная экспрессивность) в мире Worda, «бетонного холода» большого города, пьёт «бадяженный кофе», иногда надевает на себя маску прагматика, чтобы скрыть за этой маской душу, когда после мысленных слов не-любви вдруг звучит: «...добавь еще поджарки, дорогая...»

В стихах Дины Левит видно движение времени: физическое движение внутри одних суток передается через множество деталей внешнего мира, постоянно изменяющихся: «Была канарейка – осталась жёрдочка». Или, напротив, время становится загадкой, притягивающей лирическую героиню, пытающуюся увидеть не детали мира, а общие законы, которыми определяется их движение, существование:

*А эта весна заставляет себя долго ждать.
То выскочит – я проснусь, а она сбежала.*

Вечное и сиюминутное, сегодня и завтра – вот временные категории, определяющие сознание лирической героини Дины Левит.

Полярность эмоций, воплощенных в слове, видна и в стихах Екатерины Юрковой. Она умиротворенно, почти с умилением (почему мы забыли об этом прекрасном чувстве!), вспоминает малую родину:

*Над деревней давно дымка утра развеялась,
В речке горной, извилистой камни сточены.
Эту кем-то забытую размеренность
С суетой скрепляет лишь мост неустойчивый.*

Мир стихов Екатерины Юрковой наполнен красками, запахами, звуками. А в отрывке из поэмы «Симфония» пафос иной – героический, ведь жизнь, утверждает автор, это постоянное обновление, а значит, борьба:

*Радуги цвет без дождя не возникнет,
Солнце, сквозь тучи пробившись, окрепнет.
Эхо без голоса лес не окликнет,
Жизнь без борьбы угасает и блекнет.*

Лирика Романа Япишина отличается очень серьезным осмыслением самого процесса творчества. Мне кажется, о чем бы ни писал автор, он всегда еще фиксирует сам процесс создания лирического произведения на разных уровнях: он создает новые слова, чтобы обозначить ими новые состояния («тем телесней его световство»), разрывает слова, обнажая их глубинный смысл («изменяет лишь во снах мне мой изм с приставкой эго»), оставляет звучание слова незавершенным («я соглашусь, без всяких возраже...»). Он очень свободен внутренне: в повторах, иногда граничащих с тавтологией, в инверсиях, разводящих слова так далеко, что приходится порой продираться к смыслу через сопротивление других слов:

*Бесконечный объём рябит
Фонарей. Фонари, как раны,
Округленные до орбит.
Вязкий свет заполняет быт
Океаном, текущим из крана...*

Наверное, потому и идет эта борьба с языком, что индивидуальное ощущение не может быть выражено банально, ведь стремится лирический герой Романа Япишина «за пределы нуля», проверяя состояние душ почти математическими формулами, как в стихотворении «Середины», или нарочито перепутывая причины и следствия в придуманном автором жанровом образовании «Практически рассказ. Люди-реки».

Желание запечатлеть самые нежные, хрупкие состояния души, оттенки чувств видно в стихах Елены Ташкиновой. И трудно понять: то ли лирическая героиня – наша современница, то ли живет в прошлых веках, когда женственность ассоциировалась с рукодельем, растворенностью в мире природы; в ней есть то идеальное начало, которое характерно именно для русского национального женского характера – вера в чудо, мечтательность:

*В разлуке за шитьём проходят дни быстрее.
Над пальцами склоняясь, я думаю о Вас.*

О любви, понимании и непонимании, обретении и утрате чувств размышляют в своих стихах Марианна Бородина, Елена Меньшенина, Юлия Касымова. Оксюморон Марианны Бородиной, давший название её поэтической подборке, заставляет увидеть, как потеря чувств изменяет мир, лишает его цвета и света, наверное, тоже, потому что образ соединяет в себе несоединимое:

*До чего же бездонна ночь
С понедельника на воскресенье!*

И Елена Меньшенина пытается разобраться в сложном, подчас перевернутом, если следовать обычной логике, мире:

*Мой мир перевернут сейчас, как чашка,
Душа совершенно впиталась в небо.
Чернильную каплю так пьёт промокашка.
Мне больше не больно. Эффект плацебо.*

Отчаянно – порой со смирением, порой с максимализмом – пишет о любви, сердечной привязанности Юлия Касымова, пытаясь найти жизненную основу:

*Тем и живу, фрагментами да словами,
Что в мою память тобою навеки вбиты.*

Поэтический язык Анастасии Порошиной то по-детски прост и наивен, то предельно метафоричен. Эта амплитуда восприятия мира и создает его объем. Природа рождает у её лирической героини порою такие ассоциации, что возникающая в них картина начинает жить по своим законам, переносит читателя в иное пространственное измерение, как в стихотворении «Я помню, как пьют ранним утром их теплых рук...». Соотношение, взаимодействие природы и чувств человека в самых разных проявлениях – вот, наверное, главная тема её лирики:

*Не в эту осень, даже не в этот век,
Не в этой жизни, милый, не в этом мире...
Откройте пошире окна – впустите снег,
Одно из наших пленительных перемирий!*

Мир природы, фантазий, сновидений предстаёт в стихах Юлии Линниковой. Её лирическая героиня то трогательно беззащитна в своем полном одиночестве среди обезумевшего мира:

*Птицы полощутся в небе.
Рыбы взлетают в море.
А я стою на льдине,
И она медленно тает...*

То, напротив, она настойчива в своем желании «в стих изловить луну». Очень тонкие переливы чувств, их диалектика, откровенность памяти – вот что становится предметом изображения в её лирике:

*Вдох подавить. Потерять слова.
Оставить на берегу.
Пусть подберёт их другой, а я
Звуков не сберегу.*

В поисках счастья находится лирическая героиня Анастасии Ахмадеевой, заглядывая «за границы нужного и невозможного», уверенная, что мгновение ценится так же, как и вечность, а иногда и равным вечности бывает. Что, конечно же, тоже вне обычной логики. И лирическая героиня признается в своей силе и бессилии одновременно:

*И снова я, начало всех начал,
В руке сжимаю радужные крохи.*

Особо следует сказать о молодых прозаиках. Вообще, соседство поэзии и прозы в книге «Электрический снег» - это не «лёд и пламень», скорее разные формы лирического содержания. Проза Анастасии Уряшевой, Евгении Коробовой, Сергея Шакирова, разная в жанровом отношении, без сомнения, может быть названа лирической. Надя, героиня и одновременно рассказчица Анастасии Уряшевой, воскрешая в памяти своё увлечение, своё зарождающееся и гаснущее чувство, обретает свободу и вместе с этим осознание нравственных законов, по которым развиваются человеческие отношения. Евгения Коробова в своих лирических зарисовках строит Дом своих представлений о счастье, который включает в себе прежде всего вечные человеческие ценности: заботу, красоту, любовь. В таком Доме добра и люди, без сомнения, добры и справедливы. Герои притч Сергея Шакирова рыцарски готовы защищать мир от несправедливости. Как оптимистически завершается его рассказ «Снег»: «Пусть в одиночку, но я выбью из злодеев законное лето...»

При всей сложности и разности мироощущений авторов книги «Электрический снег» их, на мой взгляд, роднят жизнеутверждающее начало, желание искать свои слова, чтобы выразить свой мир.

И еще: книга всегда имеет свое лицо - обложку. Так вот: лицо «Электрического снега» выглядит очень изящно, благодаря дизайну Анастасии Порошиной: падающий снег превращает могучий, промышленный, стальной Челябинск в сказочный город - город красоты и чуда. Таким образом, «стиль, отвечающий теме», выдержан в книге во всём. Хочется пожелать, чтобы этот первый сборник стал началом большой серии книг молодых авторов Челябинска.

Наталья Красюкова
Горе луковое

Все мы ждали, когда растает снег и можно будет поехать на дачу. Это было так волнительно! Бабушка переживала за яблони и груши – зима выдалась холодная и снежная – деревья могли погрызть зайцы. Дедушка вспоминал, хорошо ли забил в домике окна и двери. Я гадала, увижусь ли со своими друзьями. Мне было шестнадцать, и ездила я не столько помогать по огороду, сколько общаться с ребятами и гулять по ночному лесу. И вот наконец вещи собраны и погружены в машину, мы усаживаемся на свои места! Хорошая примета – дедушка с первого раза завёл свой древний «Москвич»! Дорога от дома до дачи занимает чуть больше двадцати минут...

– А в домик-то, похоже, залезали, – говорит раздосадованно дед. – Гвозди выдернуты. И стекло треснуло. Только бы ничего не пропало. Вроде бы всё было на месте. Но незначительные детали (сдвинутая с привычного места табуретка, задравшийся уголок покрывала, приоткрытая жестяная коробочка с чаем) оказались красноречивее слов: в домике и правда кто-то был.

Мы с бабушкой принялись убирать и перебирать вещи, пытаюсь узнать, что пропало, а дедушка стал снимать с деревьев еловые ветки, привязанные старыми колготками, – средство для отпугивания оголодавших зайцев.

Когда пришло время обедать, мы разогрели на костре густой и ароматный бабушкин борщ и тогда только заметили, что у нас нет ни одной ложки. Более того, из домика исчезли все алюминиевые предметы: вилки, две кружки, бидон и кастрюля с крышкой. Дедушка пошёл просить приборы у соседа, Ильи Сергеевича, который почти круглый год жил на даче.

Илья Сергеевич, как и дедушка, был уже пенсионного возраста. Всю жизнь он работал таксистом и теперь ездил на родной списанной «Волге». Детей не имел. Единственной радостью в жизни для него оказалась оставшаяся после смерти жены болонка, старая, с пожелтевшей всклокоченной шерстью и добрыми, слезящимися глазами. Илья Сергеевич никогда не стеснял её ни ошейником, ни поводком, и она носилась по всему

огороду, ошалевшая от свежего воздуха и обилия запахов. Хотя наши участки разделяла только металлическая сетка, я ни разу не слышала, чтобы она на кого-то рычала или лаяла. Как любая порядочная женщина, она была любопытная, трусливая и стыдливая одновременно, из всех людей признавала только своего хозяина, он любил её, а она его.

Оказалось, что у Ильи Сергеевича пропал алюминиевый армейский котелок.

– И не было-то всего каких-то три часа – возил Матильду к ветеринару. Умудрилась где-то подцепить клеща! Чтоб они поперхнулись с этим котелком! А ложки... Сейчас, сейчас... Вот деревянные. Пригодилась всё-таки хохлома.

– Какие дела, соседуськи? – из-за калитки выглянуло морщинистое лицо Валентины Михайловны. – Никак чего пропало?

– Пропало, – недобро ответил Илья Сергеевич и отвернулся. Дачники между собой называли её медведкой. Мало что могло расти на её участке.

– Никак алюминий?

Лето было сухим и жарким, на дачу приезжали часто – нужно было поливать. Илья Сергеевич здоровался с нами, не разгибаясь и не отводя глаз от своих грядок. Некоторые считали его довольно странным за привычку разговаривать с растениями, но всё равно обращались за советами, рецептами, семенами и саженцами. Его уча-

сток, без сомнения, был самым ухоженным и очень красивым.

Однажды к нам на огород зашёл молодой человек. На улице было больше тридцати градусов, а он стоял в джинсах и чёрной рубашке с длинными рукавами.

– День добрый, – услышали мы каркающий голос. – Маковые головки позволите срезать?

Бабушка нахмурилась, словно готовясь выгнать из класса нашкодившего ученика, и спокойно и строго сказала:

– Нет. Уходите.

Молодой человек удивлённо-вопросительно посмотрел на нас, бросивших работу, поверх солнечных очков и зашагал к соседу. Матильда, учуяв незнакомца, поспешила спрятаться в приоткрытой теплице, но Илья Сергеевич, рубивший дрова и подошедший к калитке с топором, даже не пустил его на участок.

– Поведились ходить! Неделю назад Валентина Михална отдала одному такому целый пакет, по десять рублей за головку. И он ничего, заплатил! А я весь мак на огороде подёргал. Хоть и люблю его. И вам то же советую, а то придут этой же ночью и так срежут, без разрешения. Не дай Бог, опять чего пропадёт... Матильдочка, дочка, ты что, испугалась? Иди сюда, иди, не бойся, маленькая... Я ведь на той неделе ружьишко себе купил! Да ты зайди ко мне, Анатолий Иванович, я тебе похвастаюсь!

В тот день я вырвала весь

мак, сложила его в компостную яму и присыпала сорняками и землёй. Ещё две недели прошли спокойно.

Мы часто оставались ночевать. Стояла такая жара, что на огороде можно было работать только рано утром и поздно вечером. Воздух, густой и липкий, оседал на загоревшей коже солёной влагой. Мухи плавали в нём подобно сомнамбулам. Выгоревшие на солнце до цвета сухой травы кузнечики стрекотали непрерывно и прыгали на раскрытые ладони. Вода в колодце опускалась всё ниже и ниже, но метеопрогнозы, словно сговорившись, ни разу не пророчили даже кратковременного дождя. Помидоры краснели прямо на грядках. Илья Сергеевич и дедушка сходили в лес, нарубили веток и повтыкали их рядом с растениями, чтобы создать хоть какую-то тень. Матильда, высунув язык и тяжело дыша, лежала между поникших помидоров со страдальческим видом и осоловело смотрела по сторонам.

Выйдя как-то утром на улицу, Илья Сергеевич обнаружил, что ночью прямо под окнами его дома кто-то выдрал две грядки золотистого лука.

— Охамели в конец! — зарычал он от гнева и пнул пустое ведро, в которое вчера собирал с этих грядок сорняки. Матильда, высунувшаяся из-за помидоров, испуганно юркнула в теплицу. — Сначала алюминий, потом мак, теперь вообще на овощи перешли! Они довели меня! Они у меня получают! Анатолий Иваныч,

что я, зря что ли ружьё покупал, давай с тобой по ночам дежурить!

Дед почесал затылок, вспомнил, как бабушка недавно жаловалась на пропавшие перцы, оставленные на семена, и согласился.

Следующей ночью мы с ребятами варили кукурузу с соседних колхозных полей, играли на гитаре и пели песни. Илья Сергеевич, Матильда и дедушка, увидев, что наши посиделки закончатся к утру, понадеялись, что такой шум отпугнёт хоть кого, и ушли спать. Когда кукуруза была съедена, а пальцы болели от тугих струн, мы пошли купаться, а потом до рассвета сушились у костра и рассказывали страшные истории про призраков трёх пионеров из ближайшей деревни, которые заблудились в лесу и умерли.

Вторую ночь с субботы на воскресенье решили разделить: с одиннадцати до трёх дежурит дедушка, а с трёх до семи — Илья Сергеевич.

После обеда дед устроил себе увеличенный тихий час, вернее, три часа. Бабушка целый день закрывала банки: маринованные помидоры с чесночными головками и укропом, огурцы, солёные со смородиновыми и вишнёвыми листьями, ароматную аджику, яркие компоты и варенья.

В дедушкино дежурство, если не считать нападения комаров, ничего не произошло. Бабушка, пахнувшая специями для маринада и клубничным кремом для рук, крепко спала, а я всё вертелась с боку на

бок, вспоминая обрывки разговоров и тепло обнимающих рук. Когда дедушка с тихого посапывания перешёл на богатырский храп, я вышла в сад и села на скамейку под орешником. Илья Сергеевич с ружьём наперевес обходил малину и ещё не созревший крыжовник. Низкая, болезненно вспухшая луна светила ему в затылок, в седые всклокоченные волосы. Сосед подошёл к смородиновым кустам, росшим у сетки на границе участков, и увидел меня.

— Что, не спится? — шёпотом спросил он и усмехнулся в седые усы.

— Не спится, — вздохнула я и громко зевнула.

— Ш-ш-ш! — Илья Сергеевич поднёс к губам указательный палец.

По верхушкам яблонь пронёсся лёгкий ночной ветерок. Из кустов выбежали, пофыркивая, два ежа и скрылись в мясистых кабачковых листьях. Со всех сторон слышались шорохи и чьи-то приглушённые голоса. Сверчки и цикады состраивались, то замолкая, то перебивая друг друга. На дальней грядке с помидорами что-то зашевелилось. Сосед напряжённо вглядывался в темноту, силясь увидеть неосторожного воришку, и медленно стягивал с плеча ружьё. Пальцы легли на курок уверенно и мягко, как на знакомый руль старенькой «Волги». Я стояла, затаив дыхание и боясь шелохнуться. Илья Сергеевич оглянулся и кивнул мне с азар-

том охотника, к ловушке которого крадётся зверь. Он ждал, когда вор покажет себя или совершит какую-нибудь другую ошибку. Но время шло. Вдруг помидоры закачались сильнее: вших-вших-вших-вших. Илья Сергеевич сжался, как туго скрученная спираль, и, не выдержав, выстрелил.

Что-то всхлипнуло и надрывно зазвучало на одной высокой ноте, сорвавшейся в хрип и клокотанье. У меня мурашки пробежали по коже. Сосед, чуя недоброе, бросил ружьё и прямо по грядкам рванул на замерший звук. Я тоже побежала, спотыкаясь о кабачки и натываясь на колышки. Илья Сергеевич неожиданно замер и схватился за сердце.

В побитых помидорах лежала маленькая неподвижная Матильда.

— Девочка моя, доченька...

Илья Сергеевич упал на колени, сгрёб и прижал к груди её крохотное тельце. Лапки и хвост безжизненно повисли. Заряд соли был таким сильным, что раздробил хрупкие кости. Матильда из последних сил повернула голову, посмотрела в испуганные глаза хозяина и обмякла.

Неделю спустя бабушка ходила на рынок, где продала смородину и сливы, и видела Валентину Михайловну, стоявшую у сумки золотистого лука за 12 рублей.

Дмитрий Коржов
Дорога – она навсегда и всерьез

Русский пир

Даст Бог, умолкнем мы не скоро...
У русских так заведено -
Вести ночные разговоры
Под злое белое вино.

О наших женщинах колючих,
О снеге вечном за окном,
О всём нежданно-неминуем,
Что ожидает нас вольно.

О том, что жизнь, как плеть, повисла,
Что слава - дым, а власть - беда,
Что правит нами всласть без смысла
Степная, черная Орда.

Что мы неладны и жестоки -
Одни на всей большой Земле,
И все пути-наши-дороги
Исчислены в небесной мгле.

Черная трубка

Не скоро, но всё же состарюсь:
Деньжонок поднакоплю,
Поэзию с прозой оставлю
И домик у моря куплю.

Там буду светло и безбедно
Свой нищенский век доживать,
О прошлом толкуя победно,
Устало и сладко зевать.

Большим стану, толстым, как груша,
Начну стариковски хандрить,
По праздникам водочку кушать
И черную трубку курить...

А всё, чего сердце желало,
Что душу и грело, и жгло,
Сгорит, словно и не бывало -
Без имени, властно и зло.

И всё, что там было - в начале,
Исчезнет, как тот пароход,
Что только что был на причале,
А вон - уже в небе плывет...

Дорога – она навсегда и всерьез,
Покуда душа не остынет.
И мамин извечный, тревожный вопрос:
«Опять уезжаешь, сыне?»

Но как хорошо раньше света вставать
И, вещи собрав, отправляться по свету –
К ещё не открытым пока островам,
Забытым мирам и далеким планетам.

За дальней, незримой, но теплой звездой
По карте судьбинных линий –
Так жизнь убывает – верста за верстой,
Оглянешься – нет и в помине.

Но – в путь спозаранку! Но в путь – в полный рост!
Не стой, а то всё опостылет.

Дорога – она навсегда и всерьез,
Покуда душа не остынет.

Подошла неслышно, тихо-тихо,
Пожелала доброго пути...
А над нами плыло безъязыко
Облачко, незримое почти.

«Не грусти, любимый, это враки,
Будто мне в разлуке не прожить,
Будний день придет в столичном фраке -
Живо приневолит-закружит.

Да и ты, печальный небожитель,
Господине всемогущий мой,
Да и ты, судьбы моей вершитель,
Тоже возвращаешься домой.

Там грустинку легкую остудишь,
Что же, что расстались, - не беда.
Долго помнить обо мне не будешь,
Завтра же забудешь навсегда...»

Так она чуть слышно говорила.
Я - молчал. Всё выслушал до дна.
На четыре света отпустила,
Всё простив заранее, сполна.

Так-то вот, два странных человека,
Расходились мы по сторонам.

...Дома у меня библиотека,
Черный кот и кофе по утрам.

А она сама библиотекарь -
Между книг, как пчёлочка, кружит,

Нежный мой, зеленоглазый лекарь,
Светлая и тихая, как жизнь.

Зря с небес прекрасного далека
Все наши дороженьки-пути,
Растворилось в воздухе высоком
Облачко, незримое почти...

Стать бы облачком мне невесомым,
В яснокрылом парить далеке,
Из родного, привычного дома
Улететь навсегда налегке.

Обживая иное пространство,
Позабыть о житейской возне,
О российском и собственном пьянстве,
И о голоде, и о войне.

Но оглянешься... Неодолимо
Из любой невозвратной дали,
Из беспутья, из тьмы нелюдимо
Возвращаются в порт корабли.

И покажется дурью безвольной
Гулевая о воле мечта,
Улыбнёшься светло и раздольно,
И поймёшь: «А зачем улетать?»

В суете о насущном о хлебе
Одному ли тебе нелегко?
Не печалуйся. Думай о небе
Да шагай по земле широко...

Мурманск в 18-м году

...Ничего-то и не было, кроме
Порта, ждущего корабли.
Только ветер да черные комья
Каменистой, холодной земли.

Да и город-то был - на два шага,
На каких-нибудь там полплеча:
От Зеленого мыса к оврагу,
И - до Варничного ручья...

Но уже поезда неуклонно
В паровозном, тягучем дыму,
В бестолковой горячке вагонной,
Потянулись в колючую тьму

Наблюдать в простоте изначальной
Кольский ломаный окоём:
«Чемоданы», бараки, причалы -
То, что Мурманском станет потом.

Матросский клуб

Революция - страшная сила.
Что там спорить - могла - не смогла?..
Революция нам подарила
Интэнэшенал сименс клуб.

Вот куда, увольнение спроворив,
Сдёрнув с боцманского «ремня»,
Сыпет с «Чесмы», «Аскольда» и «Глори»
Расклешённая матросня.

Там французы, норвежцы, британцы,
Если пьют, так уж пьют - без вранья,
Там фартовые девки и танцы,
Синема и дешёвый коньяк.

Ну а город - ещё из пеленок
Только вывернулся, едва,
Снегом, как сединой, убеленный,
На Семеновых островах...

Заметённые «мурманки» струны,
Все дороги - из снега и льда,
Зимний свет - еле слышимый, трудный,
И нечастые здесь поезда...

...Подгулявший с девицею штурман
Да английский патруль на углу.
Вот такой он - начальный Мурманск -
Всенародный моряцкий клуб!

Адмиралу Каземиру Кетлинскому

Словно кортик, прямой и острый,
Испытавший и бури, и штиль,
Он попробовал полуостров,
Как корабль, сквозь тьму провести.

Незавидная это работа -
В темноте детишек крестить.
Ни державы, ни веры, ни флота -
Сыплются, как песок из горсти.

Где вы, умницы-кондукторы,
Корабельные профессора,
Как без вас с океанским простором
Сможет справиться адмирал?

Русский флот погребен, под откосом,
Вражьи слуги победу трубят,
Если собственные матросы,
Словно в тире, стреляют в тебя.

Страшно. Бес с красноточным прищуром
Взялся в салки с Россией играть,

Будет класть на нее с прибором
И гармошку на струны рвать.

«Чудище и стозевно, и обло...»
Суетливы шаги за спиной.
Револьверик недужно и подло
Плюнет в душу свинцовой слюной.

И земля, накренившись устало,
Как корабль, поплывет из-под ног,
И притянет к себе, словно тралом,
На февральское, смертное дно.

Валерий Балакирев
Жду тебя дома

Аномалия

Всё никак не ляжет снег
На шестую область суши.
И дождей пунктирный бег
Завораживает души.
Вновь растерянный народ
В вязком омуте печали –
Не живёт который год
Без погодных аномалий.

Словно нищенка, зима
Не свои одежды носит.
То ль она сошла с ума,
То ль не выплакалась осень.
То ль заблудшая душа
У кого-то правды ищет,
То ли кто-то, чуть дыша,
Ей самой посланья пишет.

Подаёт секретный знак,
Зашифрованный судьбою:
Иль она живёт не так,
Или мы не те с тобою.
Из заплаканных окон
Смотрит жалобно природа.
У России свой закон
И всегда своя погода...

Август

*Фестивалю АП “Автограф августа”
и клубу АП г. Липецка “Автограф”*

С липами томно вздыхали каштаны,
Меряя августа бежевый шёлк.
В светлом прохладном плаще из тумана
Он на свидание с осенью шёл.

Поступью лёгкой, шуршащей, чуть слышной,
Шляпу на брови надвинув слегка,
Глядя всех кошек на сторбленных крышах,
Шёл подшофе и с гитарой в руках.

Мягкой листвою слетали аккорды,
С ветром вальсировал легкий мотив,
Лето шагало походкой нетвёрдой,
Крылья своих парусов приспустил.

Плавным скольжением, попеременно,
Трогал он струны слепого дождя,
И улыбался улыбкой блаженной,
В сонный лиловый закат уходя.

Заворожённые этой мелодией,
Капли ложились на желтый мольберт,
Шел он навстречу своей Непогоде,
Август, дающий бесплатный концерт.

Всё суетился безумный фотограф,
Слёзно молил сквозь толпу журналист:
«Август, пожалуйста, дайте автограф,
Дайте, пока еще падает лист!»

Август, всё больше от счастья хмелея,
Прятал свой город под влажным плащом,
Медленно брёл по притихшим аллеям,
Души вскрывая скрипичным ключом.

А когда лёгкая тень растворилась
В звёздном сиренево-чёрном тепле,
Роспись маэстро в окне проявилась -
На голубом запотевшем стекле...

Жду тебя дома

Занавешен зелёной вуалью
Белоснежный квадратик окна.
Кто-то красит прозрачной эмалью
Переулки, мосты и дома.
Ты уходишь кварталом знакомым
В темноту на пустынный вокзал,
А я жду тебя, жду тебя дома.
Я хочу, чтобы ты это знал.

Будет дождь отголоском тревоги
Тень твою до угла провожать.
Я тоскую, когда ты в дороге,
Но ты знаешь, мне нравится ждать.
Предраассветной звездой полусонной
На окне догорает свеча.
А я жду тебя, жду тебя дома.
Это лучше, чем просто встречать.

Я твоё возвращенье рисую,
О бумагу скрипит карандаш.
И со мной тоже дом мой тоскует,
Этот дом – он же всё-таки наш...
А в уюте его невесомом
Ты найдёшь то, что долго искал.
Я по-прежнему жду тебя дома
И хочу, чтобы ты это знал...

Я не знаю

Я не знаю, когда я растаю...
Белым облаком в небе плыву.

Журавли собираются в стаю,
А меня за собой не зовут...
Я отчаянно вновь улетаю
От тепла наступившей весны,
Я не знаю, когда я растаю,
Это знаешь одна только ты...

Я не знаю, когда я оттаю
После долгой полярной зимы,
И прозрачною каплей куда я
Убегу из холодной тюрьмы.
Я опять, как и прежде, мечтаю
Обрести в этой капле себя,
Я не знаю, когда я оттаю,
Это надо спросить у тебя.

Я стекляшки в ладонях катаю
Из осколков сорвавшихся звёзд
И в последней надежде хватаю
Лунный свет за серебряный хвост.
Я бессонную ночь коротаю
У живого лесного огня.
Ты же знаешь, когда я оттаю,
Только ты отогреешь меня...

Апрель 2010

Бабочка

Села бабочка на плечо.
Невесомая и глазастая.
Я узнал тебя. Кто ж ещё
Новым платьем мне станет хвастаться?
Кто раскрасит промозглый день
Разноцветными акварелями
И в простуженном октябре
Мне подарит весну капельную?

Ну, рассказывай, как живёшь
И нектаром каким питаешься,
Для кого свои платья шьёшь,
Самой лучшею быть стараешься?
И к кому ты спешишь в ночи,
Вновь целуя бутоны пыльные?..
Только что же ты всё молчишь,
Трепеща голубыми крыльями?

А когда догорит печаль,
Еле в воздухе ощутимая,
Ты снежинкой слетишь с плеча,
Чуть коснувшись крылом щеки моей.
Я не стану тебе мешать,
Несмотря на твоё молчание,
То ли бабочка, то ль душа
Упорхнувшей любви нечаянной...

Февраль

Памяти отца

Тает медленно теплый февраль,
Мягко вымытый кем-то до блеска,
И течёт по проулкам воскресным
Перламутровая пастораль.

Птичий гомон и голос отца,
Приглушённый и хриплый немного,
И идущая в небо дорога,
У которой не видно конца.

Небо солнцем полно до краёв,
И зажаты во влажной ладошке
Чуть подсохшие хлебные крошки
Для голодных худых воробьёв.

И так радостно дышится мне,
В мои нежные три с половиной,

И лечу я героем былинным
На горячем крылатом коне...

Я уже где-то там – в облаках,
Где зимы хрупкий сумрак расколот,
Где мой папа, большой и весёлый,
Мои плечи держащий в руках.

Только руки его у лица,
И берёзы обветренный гребень,
И дорога, идущая в небо,
У которой не видно конца...

Марина Котова
Я прежде управлять умела снами...

Я прежде управлять умела снами.
И был один. В нем свет глаза слепил.
По небу, желтый разливая пламень,
Садилось солнце в выжженной степи.

И сквозь лучей сверкающие спицы
Дорогою, что ветер проторил,
В ночь огненные мчали кобылицы
И поднимали огненную пыль.

Но стоило в бескрайнем диком поле
Мне путь наметить мысленно другой,
Табун, подвластный человеческой воле,
Вмиг выгибался огненной дугой.

Теперь прошу у Бога вдохновенья:
Одною мыслью, трепетом ресниц
Дай мне направить ход стихотворенья,
Как красный бег огнистых кобылиц.

25 марта 2010

Разрушенные храмы Черноречья,
Как ваша кладка ни крепка была,
Со злобой вкупе глупость человечья
С лица земли вас начисто смела.

Но как в усохшей ветке образ почек,
Как мысль живет, когда конец речам,
Остался в небесах ваш тонкий очерк,
Духовным только видимый очам.

И вот в грозу, когда благоухают
Цветы и блещут ливня зеркала,
При свете молний стены проступают
И начинают бить колокола.

Так на лице увядшем и унылом
Того, кто схоронил свои мечты,
От слов любви, произнесённых с пылом,
Вдруг проступают юности черты.

1997

В магазине у станции купишь буханку ржаного.
Вдоль дороги в цветочном снегу увязают сады.
За день ссохлась душа, но, к закату добравшись до крова,
Задышала свободней, как путник, испивший воды.

Этот тающий снег среди листьев блестящих и мокрых
Тем прекрасен уже, что, возможно, исчезнет к утру.
Греешь руки о хлеб, а в тебя, как в открытые окна,
Проникает морозная свежесть деревьев в цвету.

И не в силах уйти, всё стоишь у чужого забора.
Он процежен сквозь черные нити вишнёвых ветвей —
Запах хлеба и сада — последний оплот и опора
Для души, искореженной ритмом, не свойственным ей.

Вспомнишь прожитый день, все его закоулки обшарив.
Тусклый свет монитора, пейзаж в запыленном окне,
Где, придушенный смогом, унылый спешит горожанин
С чебуреком в желудке и курсом валюты в уме.

...И как милость небес — со строкою, что бьётся в гортани,
Сияясь выскользнуть рвущимся ввысь мотыльком,
Принесешь в свою комнату белое благоуханье
И буханку ржаного с прилипшим сквозным лепестком.

2005

Ксении Петербургской

Во мне светает будто временами.
Расплачусь над страницей жития.
Ты здесь, живая, ходишь между нами
Зыбучими песками бытия.

Ты легкая — я под грехами вязну.
Мне страшно... Колокольчиком в груди
Встряхнули — и мотивом неотвязным
Сквозь сны: «К моей часовенке приди».

Сними с моей души унынья камень!
Как сотни женщин со святой Руси,
Кладу тебе записочку за ставень:
Утешь меня, блаженная, спаси!

1997

Явление Оки

Луга лежали, плоские, как стол.
Трава лоснилась. Пух, земной скиталец,
Боясь запачкать стопы, тихо шел
По воздуху поверх заросших стариц.

Поверх голов ромашек, купыря,
Покой озер хранящих неусыпно,
Над голубым цикорием паря,
Чьи звезды вдоль дорог июль рассыпал.

Но что мне тишь медлительная вод,
Проплешины суглинка, травы, межи.
Я всё ждала — Ока вот-вотдохнет
Простором, силой и плотвою свежей.

Река таилась в зарослях глухих.
Ещё чуть-чуть — тропа в их блеске канет.
А дальний берег был угрюм и тих,
Он головой вздымался великаньей.

Круглились ивы аркой — и в проём,
Казалось мне, речная синь сочится.
Такой ее — запасливее пчел —
Хранила память в сотах золотистых.

Раскинуть руки — и бежать туда.
Пусть жар и пот лиловым смоет валом.
Но там, где мне мерещилась вода, —
Над лугом небо на дыбы вставало.

И сколько раз обманывалась я!
Все марево, и пыль, и шорх полевок...
Река отодвигалась от меня
И жаждою росла неутоленной.

И вот когда совсем невмоготу
Мне стало — вдруг открылась вся для слуха,
Окликнула на крепнущем ветру,
Заахала, заокала над ухом.

И вся она — до плеска тальника —
Сверкание и трепет, волны, плёсы —
Была бела, черна и глубока,
И неоглядна, как открытый космос.

2006

На затоне

Вода спадала. Пахли тиной вербы.
Но где вела дорога в глубь лугов,
Синели волны, свет бежал по веткам
Полузатопленных разливом тальников.

Я встала там, где камни обнажились.
Меж них крупинками речной песок желтел.
Сеть из тончайших золотых прожилок
Дрожала на чуть плещущей воде.

И чайки с песнями рыбачили над поймой,
Белели по зеленым островам.
Вдали, подняв плавник, заросший лесом
 темнохвойным,
Взрезала синь Дуденева гора.

И запах свежести с затона, с темных стариц,
И дух цветенья, влажной теплоты
Разволновал, разбередил прапамять,
Где спит бывшее в гнездах золотых.

И сквозь пейзаж знакомый и привычный
 День проступил в слезящейся дали:
 Вернулся голубь с веткою масличной.
 И Ной узнал: вода сошла с земли.

О сердце, беспокойное, живое,
Ты все вместило: и простор веков,
И серебро библейского прибора,
И черный плеск библейских тальников.

28 мая 2010

Оплаканное мгновение

Я ногу занесла над каменной ступенью —
И болью вдруг во мне отозвалось:

Вот только что прекрасное мгновенье
Благоуханной влагой пролилось.

Всё так же солнце раскаляло выси,
Висели сливы градом мелких лун.
И лишь острей запахла кипарисы,
Точа свою смертельную смолу.

О Господи! Как мало я умею,
Назначенное тленью существо!
Мне даже не дано замедлить время,
Но дан мне дар оплакивать его.

13 ноября 2009

Кавказ

Заброшенной дорогою по кромке,
По жёлтой насыпи мы влезли на откос.
И встал Кавказ — гигантские обломки
Когда-то рухнувших с небесной тверди звёзд.

И были тенью плотною покрыты
Ущелья дикие в нетронутых лесах,
Где по камням корявые самшиты
Шли в моховых зелёных торбасах.

Нам было видно с плоской седловины:
Вдали хребет был чётко огранен
И изнутри светился млечно-синим,
Тревожным, странным, неземным огнем.

То угасал, то вспыхивал кроваво;
Казалось, шла гроза внутри горы:
Звезды погибшей сердце дотлевало
Под тяжким спудом каменной коры.

Сгущались сумерки, и, будто бы на сцену,
Водитель звезд, познавший все пути,

Выстраивал над нами постепенно
Гигантский хор сияющих светил.

И чёрным ветром из ущелий дуло,
И звери слух острили из ветвей.
А горы отвечали низким гулом
На песни древней родины своей.

29 июля 2010

Шторм приближается

Не устояла — был силён удар.
Вал оглушил и зренье отуманил.
И вновь тугая, мускулистая вода
Вздымается зелёными холмами.

Но, мощь прибоя всё же поборов,
Вся в черном крошечке — морской кофейной гуще, —
В осколках волн, под скрежет, гул и рев
Встаю в бурунах, пеною цветущих.

Я рвусь на глубину, на зыбкий склон,
Бороться с морем, как с гигантским спрутом,
Не только ради радости минутной —
Ввысь вознестись на гребне водяном.

Когда преодолеть сумею страх,
Я силу жизни заключу в стихах.

2 августа 2009

Москва

Светило чёрное, слепящее, Москва,
Мы по тобой очерченным орбитам
Летим, твоим притянуты магнитом,
И боль огнем пульсирует в висках.

Мы видим мир в движении, он весь
Размыт и смазан, скоростью оплавлен.
От напряжения трескаются камни,
В лучах горячих — каменная взвесь.

Валит за взятком из бетонных сот
Народ с окраин, где простор на убыль.
Там новая Америка встает,
Глумясь своим оскалом белозубым.

Растут ангары, церкви заслонив,
Вовсю гремят железными боками
Ушаны, меги, плазы, кулаками
Трамбуя небо, что цвело до них.

Чтоб обыватель — семечки в кульке —
Вон из штанов — со средним классом слиться —
В раздолбанном притрюхал «опельке»
За порцией недельною сосисок.

Встает Восток — большой сундук с тряпьем,
С тягучей песней в памяти бездонной.
И красные китайские драконы
В лицо мне дышат смрадом и огнём.

Орут в лицо рекламные щиты.
Бросаются собаками цепными.
В витринах манекены восковые,
И те нездешней злобой налиты.

Грязь и плевелы, чуждой воли груз.
И мертвечиной тянет, как с погоста.
Но Русь жива, жива Святая Русь
Под темной кровоточащей коростой.

Кого не обольстить, не обмануть —
Червив и горек плод глобализаций,
Кто равнодушен к смене декораций,
Незамутненной прозревает суть.

В чьей памяти калиновы мосты
Из сказок слиты с песней о приволье,
Расслышит звук призывный колокольный —
Так бьётся сердце русское Москвы.

22 июля 2008

Нина Ягодинцева
Стояла ночь – зелёная вода...

Стояла ночь – зелёная вода.
Я слушала невнятный шёпот крови.
И неотступно, словно невода,
Метанье звёзд преследовали кроны.

Я распахнула в глубину окно:
Струилась кровь, и речь ее звучала,
Как будто бы стекавшая на дно,
В магическое, зыбкое начало.

Я знаю всё, что я хочу сказать.
Но речь её была такая мука,
Что никакою силой не связать
Могучий ток неведомого звука.

От прибоя тьмы до её истока
Лишь одна звезда – низко и далёко.

Горькое тепло опалает губы.
Зеркало твердит: на тебе лица нет...
Тишина черна, словно плащ Гекубы –
Но одна звезда вдалеке мерцает.

Нежная сестра, ясная лампада,
Розовый огонь радости вечерней!

Лишь бы ты была, лишь бы не пропала
В пепле и золе мировых кочевий!

Страх преодолев, прыгнуть на колени,
Ветви протянуть и расправить листья,
Корни ощутить, а через мгновенье
Ветер налетит – всласть наговоримся.

Александру Конопелькину

Окарина окраины, скука
Долгих жалоб на бедность и страх...
Но едва безысходная мука
Умолкает в неловких руках,

Серебро покрывается чернью
И губительной зеленью – медь...
Только в утлом своём заточенье
Тёплый воздух пытается петь

И однажды из слабого праха
Выдыхает себя невзначай...
Остальное – печаль и неправда:
И неправда, а всё же печаль.

Вспомнил – и промолчи,
Вздвогнул – и успокойся.
Ангелы на покосе
Точат свои лучи.

Искрами бьёт по коже
Их незнакомый смех:
Гости-то не из тех
Мест – из других, похоже...

Песенок не поют,
Мёда на хлеб не мажут.
Лезвия отобьют –
То-то травы поляжет!

В смертельный
провал, где чёрные единороги
Смеются и говорят человеческим языком,
Из тех, кто живёт, заглядывали немногие,
Но память их будет крепко спать под замком.
Мне довелось, в спутники взяв Морфея,
Пройти по глинистой осыпи над водой
Достаточно высоко, но ветер повеял
Озоном, жертвенной кровью, вечной бедой.
Они говорили о чём-то почти понятном,
Их речь не имела смысла, но чернота
Всходила из рыжей воды, как смертные пятна.
Морфей держал меня за руку и читал
Древнее заклинание тьмы и света,
Опору дающее в воздухе для стопы.
Потом он сказал: «Но лучше забыть об этом».
Потом он вернул меня в дом и прикрикнул: «Спи!»
В соседних домах ещё не светились окна.
Воскресное утро тянулось издалека
Медлительным караваном снегов. И только
Наивная память обратно меня влекла:
Так няньку за руку тянет дитя, не зная,
Что дымная прорубь из яви в бездонный сон –
Сквозная дыра во времени. Боль сквозная.
И кто забывает об этом – уже спасён.

Владимир. Снег. Пожаром памяти
Весь горизонт заволгло.

Одна метель стоит на паперти
И застит рукавом чело.

И только облачко дыхания
Трепещет тайно возле уст...
Прости меня, не обрекай меня
На адский пламень русских чувств!

Одна мерцающая свечечка,
Ладошкой скрытая, спасёт
От наплывающего вечера,
От страшной памяти высот.

Один твой взгляд, меня жалеющий
И обвиняющий стократ,
Один вопрос немой: а где ж ещё
До бела снега догорать,

Как не в России, во Владимире,
Где ты несёшь домой свечу,
А я шепчу: «Прости, прости меня» –
Но быть прощённой не хочу.

Останься – ведь любишь, останься хоть жилкой
Запаясь, ручья, – прорасти камышиной,
Поймай переливчатый воздух весны
На острую вспышку небесной блесны!

Останься, не мучай. Молчаньем, украдкой,
Разжатой ладонью, растрёпанной прядкой,
Тетрадкой – раскрытой, чтоб вырвать листок...
Хотя бы дословно. Хотя бы меж строк.

И даже не трепетом воздуха – крылья
И так осыпаются радужной пылью –
А просто пробелом, горящим мостом
Для тех, кто на этом краю – и на том...

Сквозная память, тайная беда,
Извечное кочевье в никуда...

Бессонницы зелёная звезда
Бессмысленно горит в пустых осинах,
И низко-низко виснут провода
Под тяжестью вестей невыразимых:

И острый скрип несмазанных колёс,
И полуптичьи окрики возникших,
И сладковатый вкус кровавых слёз,
Из ниоткуда памяти возникших,

И слабый крик младенца, и плащи,
Трепещущие рваными краями,
Безмолвно раздувающие пламя
Нощи...

Ты знаешь всё. Раскрыты небеса,
Как том стихов, и смятые страницы
Сияют так, что прочитать нельзя,
И силится вздохнуть и распрямиться.

Непогода пришла, как отряд батьки Махно:
Гогоча, из горла прихлёбывая, прикладом стуча в окно,
Выгребая запасы осенние из подвалов и с чердаков...
Да не бойсь, чего там – ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся – родится смерть.
Ничком на овчинку неба падает степь,
Серая, буранная пустота,
Но сердце уже не обманешь – родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой,
Где – если заплачешь, в сердцах оборвут: не пой!

А замёрзнешь, тряхнут за шиворот: встань!
Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых! Когда по снежной стерне
Ведут, матерясь, к обрыву или к стене,
На сквозном перекрёстке иных дорог
Свернут напоследок сигарку: курни, браток...

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла.
О жизни ли горевать, если всё – зола?
О смерти ли, если даже махра – сыра?
Крайнему: докурите, а мне – пора.

Безобразно надорван конверт.
Занимаются пламенем строки,
Поднимаются вверх
Вихревые потоки –

Как читает огонь! Никому
Не дано восхищенья такого:
Прожигая привычную тьму,
Рассыпая на искорки слово.

И мгновенно сминая листы –
Непрочтённого в них не осталось –
Обрывается вдруг с высоты
Вниз, в золу, в пустоту и усталость...

Ты же знаешь, слова не горят:
Тот, кто верно за ними угадан,
Выпускает их в маленький сад,
На цветы – к мотылькам и цикадам.

Смотрите, спящие, смотрите же,
Как звон гуляет в граде Китеже,
Распатывая окоём
В смятенье яростном своём!

Смотрите, если вы не слышите,
Как волны, молниями вышиты,
Идут и падают внахлест
На берег, полный сбитых звезд!

Звон поднимая до Всевышнего,
Беззвучно ратую: услышь его! –
К востоку обратясь лицом,
Звонарь раскачивает сон.

А наяву гуляют ордами,
Глумясь над спящими и мёртвыми,
И голь не срам, и стыд не дым,
И веки тяжки – невподым...

Музыка моя, Иремель тоски,
Кисловатая карамель высот,
Даже если гибель и не спасти –
Всё равно спасёт.

Даже если смотришь издалека.
Даже если просто помнишь – и всё,
Будет рядом музыка и тоска,
И спасёт.

Ах, сметало ж небо к зиме стога
Для спасенья наших голодных душ –
Иремель, Зюраткуль да Зигальга,
Таганай, Нургуш...

Караваны лет, череда веков,
Гиблой юности золотая скань –
Всё к ногам твоим! Чтобы встать легко,
Если скажешь «Встань!»

Обжигая губы об имена,
Не позаришься на чужую ложь.
Три глотка спасительных: «Ро-ди-на» –
И опять живёшь.

Холодно сердцу, не видно ни зги.
Жизнь воробьиного пёрышка легче.
Кто-то несёт по дороге навстречу
Белый светильник январской пурги.

Оберегая неровный огонь,
Вьются и стелятся тонкие ткани,
То приникая к мерцающей тайне,
То разлетаясь неровной дугой.

И замечают невидимый след,
И обнимают, и прячут в пелёны

Тьмою немыслимой усыновлённый
Свет одинокий, покинутый свет...

И всё равно меня влечёт
В жестокий мир, под низкий кров,
Пока испуганный сверчок
Поёт любимую, без слов.

Кто одарил тебя? О чём
Он размышляет над строфой,

Вздыхая, словно огорчён,
И повторяя: «просто – пой...»

Из всех пронзительных утех,
Во всей томительной тщете –
Простая песенка для тех,
Кто умирает в темноте.

Сквозь ледяную скань зимы
Как мы идём на этот зов,
Необъяснимо спасены
Наивной песенкой без слов!

Как будто пить небесный мёд
Счастливо шествуем тропой
Прозрачных полуночных нот,
Легко затверженных тобой.

Юрий Невский Есть только лес

Устроившись в одну скучнейшую фирму, я каждые два дня в неделю ездил в городок почти на границе Московской области: это было связано с моей работой. По скользящему графику выходило, что в первую неделю — в понедельник и вторник (остальные дни отдыхал), во вторую — в среду и четверг, и так далее... Пилить до этого городка два часа на электричке. И ничего весёлого, конечно. Но постепенно я втянулся. Брал с собой книгу... впрочем, читал только час: уставали глаза. Пейзажи за окном были скучны и знакомы, оставалось лишь предаться мечтаниям и грезам, которые навевал однообразный стук колес.

И примерно через час, на половине пути, расположена... ну, пусть это будет... платформа Пятово (а дальше — Седьмово и Десятово: названия вымышленные, чтобы не раскрывать реальные пункты).

Я несколько раз съездил в этот городок, и меня стало занимать одно невольное наблюдение. В Пятове садились какие-то... странные, на мой взгляд, люди. Обычно человек шесть или восемь,

а то десять: и молодые ребята, и более старшего возраста мужчины и женщины. Они проезжали Седьмово — и выходили в Десятове. Всегда это были новые лица. Вошедшие занимали места рядом: несколько человек, обычно молодежь, разговаривали и смеялись между собой, другие же сидели молча, сами по себе — и непонятно, были ли они все знакомы в группе? Вставали, как по команде, потянувшись к выходу в Десятово, а затем шли по платформе куда-то к ближайшему лесу.

В дальнейшем, можно сказать, уже ожидая этой встречи, я детально присмотрелся к ним. И правда, замечательные персонажи! Что же впервые заставило меня обратить на них внимание? Возможно, они были художавы, подтянуты? Да, они не были рыхлыми, в них чувствовалась какая-то внутренняя организованность, цельность. Одеты по-походному, как дачники, грибники или туристы. У многих рюкзаки, типа «колобок» (насколько я помню из своего детства), и рюкзаки Абалакова (эдакие брезентовые монстры в ремнях и

пряжках). А те, кто не подходил под определение «туристы» — с тяжелыми на вид корзинами, прикрытыми чистыми холстинками, листья смородины поверх, какие-то дикоросы. Холщовые сумки с веревочными ручками, которыми они щеголяли... да это настоящие раритеты! С «принтом» (как бы сейчас сказали) молодой Пугачевой, а то Боярского, а то Демиса Руссоса.

Что ещё за дискотека 80-х?

А их одежда?

Никаких модных ныне курток из синтетики, никаких ярких спортивных костюмов. Пузырящиеся на коленях треники, полевое армейское хэбэ, энцефалитки, свитера домашней вязки, зеленые спецухи, дождевики. Из обуви — какие-то самые простецкие кеды, кроссовки (если это можно таковыми назвать) производства города Кимры, кирзовые рабочие ботинки, резиновые сапоги. Изредка на ребятах и девочках мелькали джинсы: суровый ковбойский стиль, легендарные американские марки. Но особенно популярны штормовки — выгоревшие и заштопанные, часто с самодельным полустершимся трафаретом на спине: «ССО Альтаир», «ССО Бригантина», «ССО Данко», «Дальстройспецмонтаж», «Камчатка. Путина» или что-то в этом роде. Нынешние модельеры, развивающие модное направление «винтаж», обзавидовались бы при виде такого эксклюзива.

Конечно, сейчас есть клу-

бы исторической реконструкции, где знатоки воссоздают костюмы и погружаются в эпоху хоть Петра I, хоть в лихолетье Гражданской войны. Есть и те, кто фанатеет от рыцарских романов или книг Толкиена: сооружают доспехи, наряжаются в хоббитов, проводят свои костюмированные игрища. Возможно, и эти ряженные незнакомцы собираются в своем клубе по интересам, отправляются по маршруту выходного дня, ностальгируя при этом по благословенным (для кого как) советским временам?

А может, это статисты кино или телегруппы, и где-то здесь снимается фильм из эпохи застоя? Если это так, думал я, то специалисты по кастингу, подобравшие типаж для этой эпопеи (несомненно, дорогостоящей, с учетом столь кропотливой работы реквизиторов, бутафоров, костюмеров) постарались на славу! Ведь их лица... они были как бы в ожидании чего-то прекрасного. На душе теплело оттого, что в их взглядах (меня, разумеется, прежде всего интересовали взгляды девушек) какая-то романтика.

Но нет, нет же... меньше всего они походили на тех, кто имеет отношение к современной артистической братии.

У них не было мобильных телефонов, они не обращали ни на кого (и не привлекали к себе) внимания. Среди «туристов», помоему, любимое развлечение — рассматривать и обсуждать карты

местности: затертые и, что называется, выдавшие виды. Иногда это были копии «на синьке» (кажется, называется так), а то и схемы, расчерченные тушью на кальке. Если погода солнечная, без дождя, девушки вносили полевые цветы, охапки разноцветных листьев, составляя из них красивые композиции. Женщины старшего возраста почти все что-то безотрывно вязали, плели макраме. Кто-нибудь перекусывал. Варёные яйца, огурцы и хлеб, банка килек или «завтрак туриста». Чай из китайского термоса, украшенного яркими цветами. Казалось, их окружает некая сфера, в которой — их мир. А между тем, пусть это даже их мир — всё в нем до боли знакомо, узнаваемо. Будто ты сам вот только что так же ехал куда-то с друзьями, с девочками, с рюкзаками и гитарами... Но где те времена?

С собой у них часто бывали гитары, и какой-нибудь парень, прижав к себе изгиб гитары жёлтой (с декой, обклеенной овальными картинками белокурых красавиц: эти переводки привозили дембеля, отслужившие в группе советских войск в Германии) перебирал струны, обращаясь к благоговейно замершим слушательницам. Разумеется, и «Милая моя, солнышко лесное...», и «Где-то багульник на сопках цветет, сосны вонзаются в небо...» присутствовали в их песенном репертуаре.

Трудно сказать, кто они по

профессии? Ну, студенты... это понятно. Врачи, учителя, инженеры? И просто рабочие, водители, медсёстры, продавцы? Почему они вместе, куда идут? Нет, не то, что они подтянуты или худощавы... не то, что на них морально устаревшая ныне одежда... не это в них было! И не романтика, не реминисценции в стиле клуба самодеятельной песни. Что-то в них было неуловимое. Что же?

И, размышляя, вдруг понял.

В их глазах не было того змеевидного символа, светящегося, как над входом в обменный пункт, и долларовой значок не плясал, не извивался в их зрачках, от него не покрывалось всё вокруг лоснящимся, желтовато-зеленым гниlostным налётом, как это распространено ныне, к сожалению, во взглядах моих современников.

Моих современников? Но кто же были они... те, чьи лица словно отсвечивали отблеском костров пионеров (нет, не детской организации) — тех, кто идет первым, зажигая огни на дальних берегах и закладывая новые города?

Всё выяснилось неожиданно.

Однажды (я уже был в дороге) позвонил мой руководитель. Возникла одна техническая проблема, и сегодня мне не надо было ехать в этот городок. Ну, не надо, так не надо. Я дождался ближайшей остановки, чтобы выйти и вернуться. Это оказалось Пятово! И эти... странные «партизаны Вре-

мени» (или — «во Времени»?) как раз садились в последний вагон (а некоторые еще только добегали до платформы); видно, они сегодня опаздывали; но машинист подождал, пока не заскочили последние.

Так вот откуда они приходят... вон из того леса! До него где-то полкилометра по чернеющей от грязи после недавно прошедшего дождя хорошо пробитой дорожке. Рядом с платформой никаких жилых домов, только станционные постройки. Плохо асфальтированная дорога уходила вправо по аллее, видно, там и находится мифическое Пятово (если оно вообще существует). Дорожка от платформы шла влево пожухлым и заброшенным полем. Осенний день был то пасмурным из-за набегающих туч, то ознобисто-прозрачным, когда рассеянный солнечный свет в прогалах, разнесённых ветром, окроплял всё вокруг живым, переливающимся и нисходящим на землю золотистым потоком. Я решил прогуляться до леса, вдохнуть горьковатый от прелой листвы и трав, навевающий щемящее чувство утраты воздух осени. Дорожка раскисла, идти через поле трудно; во многих местах были заметны рубчатые следы резиновых сапог. Постепенно я углубился в лес, а в нем, когда проглядывало солнце — буйство красок, многообразие оттенков, меняющиеся картины, трепет и скольжение облетающей листвы... Это манило в глубину; казалось, еще немного

- вот за этим поворотом будет новое, никогда не виданное до этого откровение: сошедшееся, сотканное и сросшееся из каких-то иных возможностей, фрагментов, отражений, бликов и пятен, играющих на разноцветной листве. Ни о каких особых загадках или тайнах, которые мне мог открыть этот лес, я не думал. Да и не хотелось что-то необъяснимое, даже если это имеет место, вплетать в прекрасную гармонию увядающей, но вместе с тем, — стоило надеяться! — возрождающейся через предстоящее зимнее забвение природы.

Забыв о времени, шел по дорожке, сузившейся и ставшей тропой, она поднималась вверх по склону. Ветер, налетая, шумел в кронах, но вместе с тем, слышалось какое-то... жестяное позвякивание что ли? Лес наполнился этим, то усиливающимся, то исчезающим звенящим шорохом, как будто сказочный Змей в зеленоватой проржавевшей жестяной чешуе, невидимый, проползал между деревьями. Что за галлюцинации? Поднявшись на взгорок, оказался на заросшей подлеском просеке; тропа пронизывала ее. Но... просека просекой! На ней же высылось нечто такое, отчего в первый момент я замер как вкопанный, просто онемел!

Если сказать в общем, это был высоченный (на мой взгляд, четырех или пяти метров) забор.

Это был железный забор.

Покосившиеся мачты когда-

то зеленого защитного цвета (а теперь во многих местах облезшие и проржавевшие) видны в обе стороны, уходя в перспективе, сливаясь с зарослями. Тропинка ныряла в брешь, пробитую в этом заборе рухнувшей, возможно, во время бури сосной. По стволу, как по мостику, можно перебежать в «тот лес»... Но он мне показался каким-то другим. Темным. Загадочным. И он «шумел сурово». Что за наваждение, откуда здесь это? И ведь — не забор в прямом смысле! Между мачтами натянут трос, на нем наизаны длинные и узкие полосы тонко прокатанного металла. Они то и издавали на ветру заунывный, с нотой кладбищенского звяканья и шуршания жестяных венков, не то стон, не то жалобу... как бы множества потусторонних голосов. Гигантские жалюзи в стиле «милитари»! Брошенные (но сделанные с какой-то болезненной претензией на гигантоманию) декорации к фильму Тарковского «Сталкер»? Многие полосы скручены, погнуты, пробиты... от падения метеоритов? протаранены телами мощных птиц? или исполинские лоси били и рвали рогами жалкую жестяную лапшу? Ветви осин, кленов, берез вращались, перепутались с железными свитками, прореживали листвой выщербленную гребенку.

Меня пронзила внезапная догадка... да ведь это занавес!

Это Железный Занавес.

Да, тот самый, что с на-

чала холодной войны изолировал нашу страну от всего остального мира! Не стоит сейчас рассуждать, хорошо это или плохо — такова историческая реальность, и тогда это было необходимым условием выживания социалистического государства. Здесь же... Ведь я всегда думал, что это образное, чисто фигуральное выражение! Тропинка, на которой я стоял, исчезала в этой черной дыре, в этом проходе? — переходе? — между мирами?! Чёрте что!

Если это Железный Занавес, логично предположить, он должен по периметру огораживать границы нашей страны. Почему он здесь? Мысленно продолжив линию, представил, где, в каком месте он пересекает железную дорогу? Повсюду освоенные и заселённые места, не может быть таких глухих лесных массивов, чтобы его спрятать, и про него бы никто не знал. Но, возможно, это опытный образец, а затем был выстроен настоящий «огород» вокруг СССР? Великая китайская стена, например, существует реально; или Берлинская стена, сметенная ветром истории. А этот? — покосившийся, ржавый, из жести, которая идет на консервные банки. Ничего удивительного, что в конце концов изоляция соцлагеря была расшатана (снаружи и изнутри, надо признать) и рухнула в одночасье.

Пусть это будет чертов Железный Занавес, но в данном случае,

он может ограждать сверхсекретный полигон, где проводились эксперименты над... временем? над людьми? Территорию какого-то закрытого института, «почтового ящика»? (Явно из-за этого забора торчат уши НКВД-КГБ-ФСБ). А теперь... всё развалилось, никому нет дела, финансирование прекращено, произошла утечка? («Утечка человечков», - невольно срифмовал я). Понятным становится появление в электричке «людей из-за Железного Занавеса»... Да это наши, самые настоящие советские граждане! Какой-то перехлест, техническая накладка в хрональном взаимодействии событий? (Такое бывает: многие тибетские религии, культура и мифология Тибета основаны на этом). «Те люди» выходят здесь в «разрыв» и... зачем-то, добравшись от Пятово до Десятово, ... вновь ныряют в свое время.

Если проникнуть в брешь, идти по тропинке... где окажешься? Вернуться в прошлое? К отзвучавшим голосам, отзвеневшему смеху и песням друзей? (А ведь многие из них заledenели от ветра, снесшего и этот Занавес). К отсвечившимся нежно взглядам подруг, к шепоту, растаявшему в ночи? Из-за воспоминаний и завихрений Времени мне стало с-с-ов-сем не по себе. Даже заоченели руки и ноги.

А ведь тропа может быть заминирована. По забору пущен ток. Да где я нахожусь? Не заблудился

ли вообще?! Усилием воли заставив себя повернуть, медленно пошел назад... и побежал со всех ног. Запыхавшись, примчался на платформу, подошла электричка, я запрыгнул в вагон, будто кто за мной гнался!

На следующий день снова позвонил руководитель: проблемы устранены, по графику мне надо отправляться в поездку...

В Пятове они вошли. Высокий парень в вылинявшей от солнца и дождей, прожженной у костров штормовке, его друг в синей «мастерке» и на сиденье напротив три смешливые девушки — расположились рядом со мной, через проход. Эх, милые вы мои... думал я, низко опустив голову. Да знали бы вы, что вам ещё предстоит пережить! Кто из вас останется врачом, учителем, инженером? Кто из вас (быть может, этот дылда в штормовке) устроится рэкетиром? А его друг, вон тот, у окна — падет от бандитской пули? Кто из вас, девушки, решит, что древнейшая профессия вполне достойное в обществе и приносящее неплохие дивиденды занятие? Кто сгребет миллионы, а кто, как я, будет рад любой работе? У вас будет много джинсов и яркой одежды, а потом появятся мобильные телефоны. И ещё что-то такое появится в ваших взглядах... Зловещий извивающийся символ. Ну, если не у вас — то у ваших детей. Им покажется дикой, немыслимой глупостью зажигать огни на даль-

них берегах и закладывать новые города. Но... дай Бог, конечно, чтобы именно у вас, ребята, всё было не так.

Эти мысли показались мне просто стариковским брюзжанием!

Ведь несмотря ни на что, мы мчались в весёлой звонкой электричке, пронизанной осенними ветрами и солнечными на сентябрьском излёте лучами. В руках высокого светловолосого парня (его загорелое лицо было обрамлено такой же светлой и мягкой бородкой) оказалась гитара. Он тронул струны, быстро и точно настроил, стал негромко напевать, ребята подхватили слаженными голо-

сами. Это была хорошо известная и любимая мной песня из чудесного фильма «Земля Санникова», где ее исполнял прекрасный и, к сожалению, безвременно ушедший Олег Даль. «Призрачно всё в этом мире бушующем...»

Я прислушался, но что-то странное... они пели, изменив привычные слова. И по тому, как на меня вдруг бросила быстрый и теплый взгляд одна из девушек, а затем и парень-гитарист глянул как-то по-особому, с хитринкой, я вдруг понял... Они знают, что я знаю их тайну. И они поют для меня:

Призрачно всё в этом мире бушующем,
Есть только ЛЕС, за него и держись.
Есть только ЛЕС между прошлым и будущим.
Именно он — называется жизнь.

Мария Тюльпина
К проблеме изучения поэтического мира
Геннадия Жукова

К сожалению, настоящее осмысление творчества многих талантливых поэтов начинается только после ухода их из жизни. И видимо, прав был поэт, сказав, что «большое видится на расстоянии». Вот и поэзия Геннадия Жукова при его жизни не была серьезно изучена, хотя, бесспорно, созданный поэтом мир очень самобытен и притягивал к себе внимание слушателей и читателей давно. В этой статье мы попробуем наметить общие проблемы изучения этого поэтического явления.

Андрей Анпилов, один из исследователей современной авторской песни, в послесловии к посмертному изданию стихов Геннадия Жукова «Не ходи сюда, мальчик» писал: «Заочных «жуковских поклонников», исполнителей его песен я встречал Бог знает где – в Хабаровске и в Сочи, в Сан-Диего, Рочестере, Хайфе и Берлине». География весьма впечатляющая! Кто же он, настоящий кумир современных авторов-исполнителей? Биографические данные, выложенные на различных сайтах, очень скупы: Геннадий Викторович Жуков родился в 1955 в Ростове-на-Дону, умер в 2008 году в Танаисе. Один из основателей поэтической группы «Заозерная школа», возникшей в начале восьмидесятых годов в Ростове-на-Дону, автор четырех поэтических сборников: «Эпистолы: Дружьям моим единственным», «Колокольный конь» (1989), «Конус» (1993г.), «Не ходи сюда, мальчик» (2009г.) Он известен не только как поэт, но и как автор-исполнитель, считается основоположником бард-рока - одного из музыкальных направлений в современной авторской песне. Его называют учителем, поэтом, оказавшим влияние на формирование творчества многих современных авторов.

Интерес к фигуре Геннадия Жукова объясняется прежде всего необходимостью определить знаковые фигуры в современной авторской песне, том поколении, которое идет уже после Галича, Окуджавы, Визбора. А творчество Жукова повлияло на формирование стиля, может быть, даже философии таких представителей авторской песни, как Ксения Полтева, Григорий Данской, Ольга Чикина – поколения современных авторов, чье творчество складывалось в 90-е годы прошлого столетия.

Давайте попытаемся проникнуть в поэтический мир Геннадия Жукова, представленный в книге «Не ходи сюда, мальчик», понять его законы, выявить характерные для Жукова черты поэтического мира на всех уровнях: рассмотреть темы, мотивы, образы в его лирике, характерный для этого автора тип сознания и описать лирический характер, созданный Геннадием Жуковым, увидеть «содержательную форму» его произведений.

Сразу оговоримся, что современную авторскую песню мы рассматриваем как часть литературного процесса, а не как чисто музыкальную культуру. Такой подход резко сужает круг современных авторов, которые разрабатывают жанр авторской песни: это те авторы, чьи произведения выдерживают проверку бумагой и тексты таких песен являются лирическими произведениями. Следовательно, к ним применимы критерии научного анализа. Исследуя творчество таких поэтов, можно говорить о таком понятии, как поэтический мир, которое мы рассматриваем «как динамическую систему разнородных элементов, раскрывающую картину мира, определяющую художественное мировосприятие поэта. Составными частями этой системы являются: тип авторского сознания, время и пространство, т.е. хронотоп, тип лирического героя как результат преломления авторского сознания в художественном пространстве и времени». Важно также увидеть соотношение традиционного и индивидуального, поскольку поэт часто использовал аллюзии и реминисценции (причем, не только лексические, но и ритмические), по-новому раскрывал образы античности.

Итак, преобладающие темы творчества Жукова – искусство, дружба, война, любовь, природа. Его лирического героя окружают люди творческие: поэты, художники, кукловоды, актеры:

*И ночью дом гудел, как орган.
И ночью была пурга.
А утром с гвоздя оборвался портрет –
Три брата: поэт, поэт и поэт,
Три друга глядели на белый свет,
Три недруга, три врага.*

(«Фотография»)

Для Жукова характерно философское осмысление природы, ее единства с человеческим сознанием, поэт называет это состояние «родством»; пейзажная лирика его глубоко медитативна:

*Я выдохами дерева дышу,
Я деревом с высоким солнцем связан.
Все, что познал я кожей и глазом,
Я в дереве однажды запишу.*

(«Карельский этюд. Лист»)

Тема Войны раскрывается как через античные и библейские образы, например, образ киммерийцев: «За то, что ваша речь не знала слова «мир» - вот что случилось во вселенной», так и через события современности, но всегда у Жукова война бессмысленна:

*Бог! Это я, Геннадий. Дозволь мне пролить кровь.
Я позже Тебе воздам Хриплой кровавой рвотой....
Толк ли будет - не знаю. Что в этом мире толк?....*

(Плато. Афганская молитва)

В лирике Жукова можно выделить много сквозных образов и мотивов. Дионисийство и образ вина, амфоры как образ амбивалентный, имеющий и современное звучание, и античное. Вообще, присутствие образов и персонажей Древнего мира обусловлено биографией Геннадия Жукова – его жизнью в Танаисе.

В любовной лирике центральное место занимает образ женщины, который многозначен. Как многогранно чувство, ею рожаемое. В нескольких стихотворениях появляется образ женщины – амфоры через прием одушевления античного сосуда, и лирический герой восхищается женщиной как произведением искусства:

*И что нам знать о женщине дано?
Несу сосуд, восторженно гадая:
Аспазия? Ксантиппа? Иль данная?
Огонь в тебе? Вино? Или зерно?*

(«Амфора»)

И наоборот, произведением искусства он может восхищаться как женщиной, как, например, в стихотворении «К поздней амфоре»:

*Ну, что так смотришь, подбоченясь?
Ныне – не то вино.
О юности венец!
Наложницу, античную богиню,
сарматам продавал тебя купец.
Сколь много уст знавало это тело...
Не то вино... И более того –
прелестница! Как ты отяжелела
от жадности владыки своего...*

В поэзии Жукова, на наш взгляд, можно увидеть отражение философской идеи о Вечной женственности Владимира Соловьева, воспевание женского начала в жизни, в природе, в любви. В стихотворениях появляется образ спящей женщины, рядом с которой лирический герой счастлив:

*Он заглянул в раскрытое окно.
Чадил ночник, в печи кора горела,
легко светилась женщина во сне,
и ровный свет задумчивого тела
мне заменял луну вполне.*

(«Кибела и Кентавр»)

И как оппозиция - образ женщины-птицы, которой лирический герой восхищается, но которая ему не понятна:

*Птице – ей что ж, коли в небо подбросишь.
А с подругой – дела... Все глаза попрятали...
Углядел, что весела, не спросил – крылата ли
<...>
А подругу найдешь, в чисто поле выйдешь,
В небо подкинешь, а она – подкидьши...*

(«Помня, что ты птица...»)

Через эти образы видно, что сон и полет – это состояния, звучащие как оппозиция покоя и «сиротства» - свободы, обреченной на одиночество. Герои Жукова счастливы во сне – «там, где в каморке среди суеты дочь моя спит, обнимая холсты». Такое отношение к счастью указывает на романтическую традицию. Примером, подтверждающим романтиче-

скую позицию - признание «вечного сиротства», является стихотворение Геннадия Жукова «Быстрые сны»:

*И я сказал: - Послушайте! Поэт,
должно быть, должен жить вослед
тем, кто идет за ним; народ
придет, и что он разберет
в бреду поэтов, медленно бредущих
по снам былых возлюбленных своих,
чтобы утешить их во снах грядущих,
чтоб этот вечный плач утих,
сиротский плач утих?*

В лирике Жукова встречаются образы музыкальных инструментов: это гитара, свирель, флейта, арфа, шарманка, бубны, и наряду с ними и образы звуков – оборвавшаяся струна, «хрип пластинки шансонье», а также образы нот, как в стихотворении «Речитатив для флейты»: *«Я учусь играть на флейте. Поверьте, это только так говорят: семь нот. Это семь чувств... Поверьте, первая - «до» - была еще до слуха, и у кого нет слуха, а есть только слухи, нередко путают ее с нотой «ми», милой нотой осязания мира. Меж осязаньем и слухом – нота «ре», как ревнивое око в ресницах. Здесь вечная нота «фа», как фамильный философ, фарцующий коттоном и Эллингтоном, как выдох носом «фа!», когда чуешь всякое фуфло... Здесь странная нота « соль », чтобы жизнь не казалась сахаром всякому, играющему на флейте. Я трогаю ее языком. Здесь вечная нота «ля», как ля в зале, и ля-ля в кулуарах. Как ля с трибуны, но ля-ля в очереди... Спросите лабуха: где играть шлагер? В ля-ля миноре... Это страшное чувство: ля-ля! Оно обжигает мне лицо в кровь, когда я выдыхаю его из отверстой флейты.*

О, высокая нота «си», чистая нота «си»! кто способен на чистое «си» - способен на многое».

В лирике Геннадия Жукова противопоставляются образы двух локусов – исторического заповедника Танаис, являющегося своеобразным символом счастливой жизни («Радостны мы, танаиты. Праздничны наши одежды./ Радостны наши печали. Празднична наша тоска...»), и города Ростова-на-Дону, города суеты, о котором Жуков пишет так:

*И ты помни, душа, от чего суета:
здесь врата на Кавказ и в Россию врата,
и не слышно за гулом и лязгом ворот,
что мальчоночка мне под гитару поет,
а залетный торговец с компанией дам
переводит мальчоночке жизнь по складам,
и, прищурясь, глядят приклатненный юнец,
и отец городской – он же крестный отец.*

(«Город»)

Характеризуя поэтический мир Жукова, необходимо остановиться на способах реализации авторского сознания. В своих рассуждениях мы будем опираться на классификацию, предложенную Б.О. Корманом, рассуждая о различных типах выражения сознания автора, прежде всего о лирическом герое и лирическом персонаже.

Лирические персонажи, которых отличает определенный социальный портрет, конечно, присутствуют в лирике Жукова: это предметы, от лица которых он пишет стихотворения: барометр, кувшин, амфора:

*Я на ихуне затем,
Чтоб мы все-таки вышли к земле.
Я надежно сработан
Да, верно, украшен убого...
Что ж ты в небо глядишь?
Что ж ты просишь погоды у Бога?
Погляди-ка, старик, что за век на шкале.*

(«Барометр»)

Это герои античного мира: кентавр, человек, влюбленный в богиню Кибелу, это поэт, который беседует с богами, гончар, пан. Такие стихотворения можно рассматривать как образцы ролевой лирики. Но преобладающим способом выражения авторского сознания в лирике Жукова является лирический герой. Попытаемся определить черты его мировосприятия. Это философ, созерцатель, который, наблюдая окружающий мир, пытается постичь общие законы бытия, ответить на вечные вопросы человечества:

*Если в этой пустыне нет путника, кроме меня,
то кому передам я все то, что влачу за плечами?
Если в каждом ауле лишь дети мои и родня,
То кому мне поведать семейные наши печали?...*

<...>

*.....Кто мне скажет: «Утешься, акын.
Во вселенной все – так. И не будет иным...» -
чтобы стал я спокоен?*

(«Жалобы акына»)

О лирическом герое-романтике Жукова Андрей Анпилов пишет так: «Есть великая поэзия в таком духовном ключе: «Книга Иова», «Демон», «Облако в штанах» и т.д. Вот и наш современник, бывший, как и все мы, советский человек, - берет на себя самозвано, как принято поэтами, харизму пророка и бросается на вечные стены».

Своеобразие поэтического мира Жукова проявляется и через различные пространственные и временные трансформации. Стихотворение «В одной коммунальной квартире...» строится на совмещении разных временных и пространственных пластов. Возникает ощущение постоянной игры в знакомые литературные сюжеты:

*В одной коммунальной квартире –
на самом краю Ойкумены –
Два мира, не жившие в мире,
играли знакомые сцены.*

Поэт отталкивается от знакомого шекспировского сюжета. Но лирический герой признается, что все это «нынче припомнится смутно»:

*Мне нынче припомнится смутно,
За что их взяла суета –
За то, что Монтекки, как будто,
Куда-то пошли без креста.*

Приблизительность ощущений лирического героя подчеркивается союзом «как будто», неопределенным наречием «куда-то». В его восприятии драма героев «Ромео и Джульетты» превращается в бытовую современную историю, которая уже давно превратилась в расхожие сюжеты современных сериалов:

*Не помню я, что там делили.
но помнится: каждый свое.
И кровью людскою кропили,
свое нелюдское житье.*

В голосе лирического героя, бесспорно, ощущается ирония. Она во многом питается перевернутым смыслом образа – метафорой, в которой пространство какого-то города названо «галактикой»:

*Закручен сюжет и завинчен...
И было все, правда, давно.
У нас по галактике нынче
возили такое кино.*

Географическое пространство тоже трансформируется:

*Все было, конечно, в Вероне,
Точнее сказать – на Вероне,
На третьей от желтой звезды.*

Знакомая литературная история теперь уже предстает через призму двойного восприятия. Лирический герой представляет человека, который смотрит, «сясь постичь эту смуту», на знакомые ему события. Таким образом, в этом стихотворении лирический герой – сторонний наблюдатель, который лишь фиксирует интересный сюжет, повторяющийся в жизни.

В стихотворении «Окно» лирический герой тоже принимает позицию наблюдателя, и окно становится своеобразной рамкой, через которую он смотрит на мир. Что включает этот мир? Мир природы, переходящий в мир общения лирического героя, где доминируют светлые, яркие, мажорные образы: солнце, лето, канарейки, дети, пирующие художники, спящая дочь, резвящиеся «актриски». Все эти образы спутаны, смешаны. Поэт не мотивирует логически появление следующего образа. Они рождаются как свободные впечатления, как отпечатки мгновенных наблюдений – отдельных друг от друга, но объединенных в ракурсе рамки наблюдателя – лирического героя. Это состояние поддерживается сложным поэтическим синтаксисом. Отдельные строфы в стихотворении представляют не просто сложные конструкции с несколькими придаточными, каждая из которых осложнена обособленными членами, но сами являются оторванными частями главного. Прием парцелляции здесь создает естественность звучания довольно громоздких конструкций:

*Чтобы на крыше подвала с рассвета –
вечное лето, жаркое лето,
чтобы смотреть, как резвятся актриски –
«музы на птичьих правах», без прописки,
как вертихвостки, как две канарейки –
скачут весь день, поливаясь из лейки,
как представляют, вошедшие в раж,
Господу задницы света «оранж»...*

Взгляд – перспектива в стихотворении «Все мельче, все меньше», в котором раскрывается тема пути на родину, имеет три плана, как на картине: передний, средний и дальний. На переднем плане – крупные образы: «замасленный гриф», «столбы, водокачки, деревья, дома, подъемные краны», «кутерьма перронов». Далее «все меньше, все мельче» становятся образы, которые, как мы понимаем, пришли из детства: «овраг, зеленая лодка», «как пальцы отца узловатые вязы». Задний план: путь героя окончен, он сходит с перрона:

*Вот Родина, - спутнице тихой скажу,-
а здесь все на свете, все вместе, все сразу...
Но только большое. Здесь в каждом цветке
могу поселить тебя на лепестке,
и в каждой росинке тебя искупать.*

В лирике содержание неразрывно связано с формой. Исследуя стиховые и синтаксические особенности лирики Жукова, мы пришли к выводу, что стихи этого автора в основном созданы в силлабо-тонической системе. Он тяготеет к многостопным размерам (встречаются даже 7-8 стопные ямбы). Широко представлены трехсложные размеры, также с большим количеством стоп. К примеру, стихотворение «Гончар» написано шестистопным дактилем, имитирующим античный гекзаметр:

*Утром буханку ржаную и влажную глину несу,
глину я буду вымешивать круто,
вымучивать и выпекать...
Все потому, что гончар я. И глина - мой хлеб.
Ну, а вино мне – вино. А хлеб мне – еда.
Хрупкий канфар разнобокий возьму из печи.
Выщелкну звон, и покатится звон по земле.
Птицы взовьются, и дочь приоткроет лицо –
дочь моя малая спит на рабочем столе.*

Наряду с силлабо-тоническими размерами в лирике Жукова часто встречаются тонические размеры, в частности, тактовики:

*Имя твое - победа. Волосы твои – ветер.
Я ладонью ловлю ветер – волосы твои глажу.
Имя твое – радость, слов я таких не знаю.
Знаю слова другие: плачут другими словами.*

(«Помня, что ты птица...»)

Жуков часто экспериментирует с формой лирических произведений, соединяя в рамках одного текста ритмизованную прозу и стихи, например, в уже упомянутом выше стихотворении «Речитатив для флейты». Оно состоит из трех частей, первая часть – ритмизованная проза, вторая и третья – стихи (тактовик):

Из первой части: *«В магазине – где продают брюки в полосочку поперек – я купил продольную флейту. Брюки стоят столько же, но они не такие теплые, как флейта. И я учусь играть на флейте...»*

Вторая часть:

*Холодно, а кровь
уже не греет, лишь печаль,
лишь крик, лишь шепот невзначай
уходит с выдохом любовь.
пока учусь играть на флейте.*

Третья:

*Ах, быть поэтом ветрено и мило,
Пока еще не кончились чернила,
И авторучка ходит на пуантах
Вслед музыки, печали и любви...*

Здесь, кстати, в имитации звука флейты «па-па-рам, па-рам» наблюдаются смысловые сдвиги, формирующие собственную Жукову игру паронимами:

*Слышишь, как это звучит: па-па-рам, па-рам?
Звуки двоятся в ночи по парам, парам...*

Наблюдая за звуковой организацией лирики Жукова, мы пришли к выводу, что звук не всегда идет за смыслом, часто звуковая оболочка делается самоценной:

*А подругу найдешь, в чисто поле выйдешь,
В небо подкинешь, а она – подкидыш.*

В поэзии Жукова представлены различные средства художественной выразительности, а самым часто употребляемым из них является метафора и, как ее разновидность, олицетворение: «топор заношу я на белое тело березы,/ и мне чудится чадное пламя и корчи коры», «целовала трясина взасос мои ноги», «убежала бусина с нитки суровой,/ побежала бусина дальней дорогой».

Для Геннадия Жукова характерен сложный синтаксис, есть астрофичные произведения с большим количеством параллельного и последовательного подчинения, что имитирует нескончаемый поток сознания лирического героя. С другой стороны, часто используется прием парцелляции (членения предложения на несколько неполных), придающий речи естественность:

*Или должно быть на крышу окно,
чтобы по крыше скакать в кимоно,
чтобы валяться в чем мать родила,
чтобы под нами мела и мела
вьюга – внизу – у оконца в подвале,
там, где художники жизнь пировали,
там, где в каморке среди суеты
дочь моя спит, обнимая холсты...*

(«Окно»)

Также для Жукова характерны несовпадения синтаксического и метрического членения речи (прием анжанбемана):

*Этот август! А ты – августейшая –
сумасбродка – иным не чета.*

(«Этюд с птицами»)

Конечно, проанализировав сборник стихов Геннадия Жукова «Не ходи сюда, мальчик» в рамках этой небольшой статьи, мы лишь поверхностно рассмотрели разные уровни его поэтического мира, пытаясь выявить особенности мирозерцания автора. Подведем итоги: Итак, преобладающим типом авторского сознания в лирике Жукова является

лирический герой – философ, созерцатель, который, наблюдая окружающий мир, пытается постичь общие законы бытия, ответить на вечные вопросы человечества: что такое любовь, война, жизнь, творчество, дружба, искусство, музыка. Для него характерно философское осмысление природы, ее единства с человеческим сознанием, которое Жуков называет «родством». Темы дружбы и творчества, практически слитые воедино, раскрываются через образы вина, амфоры и музыки, часто в античном ключе. В творчестве Жукова видна трансформация романтической традиции русской литературы 19 века.

В стихосложении Жуков тяготеет к силлабо-тонической системе, но есть и образцы тонического стиха, для стихов этого автора характерна многостопность. В поэзии Геннадия Жукова сложный синтаксис, и часто употребляется прием парцелляции, что делает поэтическую речь естественной. В его лирике представлены разные средства художественной выразительности, а самым часто употребляемым из них является метафора и, как ее разновидность, олицетворение.

Глубокое изучение творчества Геннадия Жукова еще впереди. В работе намечены только некоторые проблемы научного освоения его лирики. А изучение поэтического наследия Жукова очень важно. И справедливы слова Андрея Анпилова: «В изменившемся мире медийных технологий, «пиаров», «раскруток» Жуков жил и живет именно как поэт, кустарь – одиночка...»

Ренат Мустафин Экзамен

(из книги «Заметки на полях вахтенного журнала»)

*И какая, к дьяволу, стратегия,
И какая тактика, к чертям!
Вот сдалась нейтральная Норвегия
Ордам оловянных египтян.*

Владимир Высоцкий

— Фух, — ввалившись в курилку возле галюна и вытирая вспотевший лоб, выдохнул Берёза. — Отстрелялся!

— Как там? Что спрашивали? Сдал? На сколько? — засыпали его вопросами слушатели Высших специальных офицерских классов ВМФ, ожидающие своей очереди перед экзаменом по тактике флота. — Сурово! Да практически всё. Боевой устав — наизусть! — обязательно, да и по теме билета кучу уточняющих вопросов накидали. Сдал! Не сказали, но думаю, что четыре, — отвечал сразу на все вопросы Серёга. — Вспомнили ещё, что я на «Океане», воюя на стороне американцев, единственный в истории обучения, сумел десант на побережье Камчатки высадить. Надеюсь, за это ещё балл накинута...

Товарищи тут же, не переставая

нервно курить, уткнулись в конспекты...

А ведь тогда, перед КШУ, никто не хотел брать на себя ношу командира оперативно-тактической группы американского флота, обеспечивающей высадку десанта на восточной окраине нашей необъятной Родины. А Берёза, пришедший на классы с должности старпома «Дозорного», взял да согласился. Зачем, спрашивается? А так интереснее!

Замысел решения разрабатывали вместе с «начальником штаба» Игорем Пожаровым, с которым вместе служили в Губе. После разделили обязанности — Серёга рисует графическую часть, а Игорь пишет пояснительную записку. «Штаб», естественно, помогает с расчётами.

Ко дню доклада решения начальнику кафедры тактики у Берёзы всё было готово. Синие стрелы устремились к побережью Камчатки, и,

казалось, ничто не сможет спасти «красных» от неминуемого поражения. Про взаимодействующие силы Сергей тоже не забыл, изобразив стройный ордер кораблей десанта при поддержке авиации. Над самым полуостровом распустили свой шёлк купола парашютов... Всё в соответствии с НСШ и заботливо «поднято» цветными карандашами. — Ну, ты прям Пикассо! — увидев развёрнутую карту, восхитился балтиец Серёга Пищак. — За такую красоту надо, не спрашивая, пятёрку ставить!

— Вот и надеюсь на то, что «не спрашивая», — задумчиво ответил Берёза. — Защита через десять минут, а Пожарова с поясnilовкой до сих пор где-то черти носят. И, достав мобильный телефон, Сергей вышел из аудитории, чтобы попытаться дозвониться до незадачливого товарища.

— Пикассо! — ещё раз восхитился Пищак и вытащил из пенала синий карандаш...

— Не дозвонился, — вернулся в аудиторию расстроенный Берёза. — Придётся докладывать как есть... С этими словами он свернул карту и уселся на своё место.

Минут через десять Сергей уже докладывал своё решение начальнику кафедры тактики.

— ...мероприятия по маскировке и обману противника будем проводить, используя вертолёты с угловыми отражателями, станции активных помех и...

— Хорошо, — прервал словесный поток контр-адмирал. — А как Вы собираетесь обеспечивать безопасность ваших подводных лодок?

Сергей взглянул на висящую карту и, на секунду задумавшись, ответил:

— Согласно выданному Вами боевому распоряжению, своих подводных лодок в ближней зоне быть не должно. Ближайший «Лос-Анжелес» будет находиться впереди по курсу в двухстах милях от моей тактической группы... — указка ткнула в синий значок пла.

— И?

— Соответственно, все обнаруженные подводные лодки буду считать лодками противника и топить!

— Так... Хорошо-о... — протянул по старой привычке начальник кафедры и, нацепив на нос очки, подошёл к карте с решением. — Что Вы там ещё нарисовали?

И тут глаза адмирала начали вылезать из орбит, а лицо покрываться дурным багрянцем:

— Товарищ капитан третьего ранга! Вы что, сюда в игрушки играть пришли или перепутали мою кафедру с кружком рисования?!

Берёза, абсолютно не понимая, что могло вызвать подобную реакцию, проследил за адмиральским взглядом и упёрся в пририсованную к значку парашюта фигурку десантника в галифе и немецкой каске, с висающим на шее автоматом, в контурах которого угадывался знаменитый на весь мир МР-38...

Указка выпала из руки и гулко ударила по паркету. Нокаут!

— Забирайте свою мазню, и вон отсюда! — прогрохотал адмирал. — Я посмотрю, что Вы мне на «Океане» покажете, Леонардо Вы наш недовинченный!

Серёга, красный как огурец, вылетел за дверь, зажав в руках карту.

Электронный комплекс тренажёров «Океан», размещавшийся в здании Военно-морской академии имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, будил в душе воспоминания о годах, проведённых в училище... Нет, там, конечно, не было всей этой аппаратуры, но и тогда курсантов учили командовать кораблями и соединениями, атакующими условного противника.

Разойдясь по кабинетам, слушатели приготовились к командно-штабному учению.

— Тёзка, ну извини, — гремел над ухом Берёзы бас Пищика. — Ну, пошутить захотелось... Какой же флот без дружеской подколки?! Не думал я, что адмирал на это дело такотреагирует. Да и потом, когда тебя выставили, я ему объяснил, что ты тут совершенно ни при чём.

— И что он?

— Знаю, говорит. У Берёзы ума бы не хватило такую хрень мне подсунуть...

— Ладно, проехали, — отозвался Серёга, прислушиваясь к возне в соседнем кабинете, где разместились десантные силы. Из двери напротив выглянул Дима Колесов — «командир» того самого «Лося» — заговорщицки подмигнул и захлопнул дверь.

— Начало учения, — донеслось из динамиков. — Оперативное время — ноль часов ноль минут.

«Понеслась душа по кочкам!» — подумал Сергей и задал курс и скорость кораблям своей тактической группы с таким расчётом, чтобы в нужное время занять заданную позицию относительно десантных кораблей. Дальнее противолодочное охранение, понимаешь...

Следующие полчаса протекали обыденно-скучно. Корабли, заняв свои позиции, на скорости 18 узлов вспенивали воды Тихого океана, с каждым оборотом винта приближаясь к русскому полуострову. Постоянно звучали доклады о воздушной и подводной обстановке, выдавались целеуказания корабельным вертолёткам.

— «Си Хок» с «Эллиота» докладывает, что обнаружил подводную лодку. Пеленг — 285°, дистанция — 357 кабельтовых. ЭДЦ определяет... — выбился из общей какофонии доклад из БИЦа.

«Попалась, голубушка!» — обрадовался Берёза.

— Вертолёту — атаковать цель двумя торпедами Mk-46! — скомандо-

вал командир тактической группы, не отходя от доложенной доктрины: «Обнаружил — утоплю!» — После применения оружия, вертолёту отойти в безопасную зону, чтобы обеспечить применение оружия кораблями группы.

Но применять оружие двум «Спруенсам» и двум «Орли Бёркам» не пришлось. Сразу после доклада вертолётки о том, что цель атакована, в кабинете напротив началась нездоровая возня.

— Пузырь в нос! — услышал Сергей приглушённый голос Колесова. — Машины вперёд самый полный! «Оп-паньки! Интересный коленкор получается... — призадумался капитан третьего ранга. — Уж не от наших ли торпед они спасаются?» Тут дверь подводнического кабинета с грохотом распахнулась, и оттуда вывалился употевший командир «Лос-Анжелеса».

— Ты!.. — сжимая кулаки и не находя слов, двинулся он на Берёзу. — Какого хрена! Да я...

— Сам виноват, — спокойно ответил Сергей, с улыбкой глядя на товарища. — Ты по плану где должен быть? То-то! А ведь я предупреждал: «Топил, топлю и буду топить!» Противолодочник я, потому как... Видя такую реакцию на своё праведное негодование, Дмитрий несколько поостыл:

— Да я, понимаешь, хотел их противолодочные силы стороной обойти, да увлёкся: забыл, что вы сзади подпираете...

— Ничего. Зато нам ещё пахать и пахать, а ты уже на заслуженном отдыхе!

Их трёп прервал очередной доклад БИЦа:

— Пеленг — 220°, дистанция — 45 км. Цель воздушная групповая из двух, курсом на корабль. На запрос не отвечает.

Сергей хитро посмотрел на подводника:

— Вот зуб даю за то, что это — очередные тупые янкесы, забывшие включить ответчик «свой-чужой». Однако, — он подмигнул Колесову, — безопасность кораблей и вверенного мне личного состава превыше всего.

И повернувшись в сторону оператора, сидящего за пультом управления оружием на тренажёре, скомандовал:

— С приходом в зону поражения — уничтожить!

Как и следовало ожидать, через несколько минут из соседней аудитории, где располагались десантники, раздался крик раненого бегемота.

— Угадал! — хлопнул себя по коленке Сергей и, выглянув за дверь, поинтересовался. — А что это было?

— Два «Харриера»! С разведки возвращались... Сука ты, Серёга, а не матрос!

— Во-первых, ответчики включать надо, — парировал Берёза, — а вторых, предупреждать, что самолёты подняли. Я же вас, олухов, охраняю!

Дальше «войнушка» проходила без эксцессов. Только через некоторое время Сергей заметил у себя на откидном столике бланк телеграммы ЗАС, на котором размашистым почерком было написано: «Поздравляем награждением орденом Боевого Красного Знамени! Так держать!!! Алекс».

В течение последующих двух часов учения корабли Берёзы выпустили около двадцати «Томагавков» по предполагаемому месту нахождения русских ракетных катеров, утопили одну подводную лодку (на этот раз — чужую) и пытались отбить налёт вражеской авиации.

Сергей же лишился трёх кораблей из четырёх. Один утопила русская субмарина, и ещё два пали под ракетным ударом. Но «Бэрри», его «Бэрри», который Берёза выделил из остальной массы эсминцев и «загрузил» только лишь «Томагавками», оставался цел!

Справедливо полагая, что с единственным эсминцем в дальнем противолодочном охранении делать нечего, командир группы (хотя от группы осталось одно название, напоминавшее о двадцатой девушке Бонда) велел дать ход 32 узла, устремился к побережью Камчатки.

Стороной пролетали русские ракеты, нацеленные на главную цель — десантный отряд, где-то в глубинах шарили подводные лодки, абсолютно не обращающие внимания на одиночную цель, несущуюся

по морю максимально возможным ходом с выключенной акустикой и РЛС. А скорее всего и не замечали вовсе.

И вот когда по счислению до русского берега оставалось около двухсот семидесяти миль, DDG-52 «Бэрри» дал стоп, включил локацию и начал стрельбу ракетами по заранее назначенным целям на побережье Камчатки. После того как сошёл последний «Томагавк», Сергей спокойно взял микрофон и доложил:

— Пост руководства — третьему! Произвёл залп девяноста «Томагавками» по целям на побережье Камчатки...

— Третий, сообщите Ваши координаты! — раздалось в динамике после тридцати секунд ошеломлённого молчания.

Сергей сообщил... Оказалось, что его потеряли не только красные, но и свои.

— Конец учения! — раздалось в динамиках. — Задача выполнена, оборона красных сломлена.

И еле слышно из динамика донёлся голос начальника кафедры тактики: «Впервые за мою практику...»

Да уж, хотелось Сергею, чтобы на этом, выпускном, экзамене по тактике его маленькая победа на тренажёре пошла в общий зачёт. Мелочь, а приятно.

— Савелич, а ты чего спокоен, как слон на похоронах магараджи? — обратился Берёза к седому капитану третьего ранга с командирским значком на тужурке. — Никак, всё знаешь?

— А чего беспокоиться? — затягиваясь беломориной, так как другого курева он не признавал в принципе, ответил Савельев. — Дальше ТОФа не пошлют, а там для меня всё родное. Да и несолидно как-то суетиться в мои лета... В нашем деле главное — оценить обстановку и принять решение. Прорвёмся! И, кинув бычок в обрез с водой, Савелич направился к двери аудитории: было уже пора...

Дождавшись, когда из аудитории выпадет тело очередного слушателя, капитан третьего ранга Савельев открыл дверь и чётким строевым шагом направился к столу преподавателей:

— Товарищ контр-адмирал! — отчеканил он. — Капитан третьего ранга Савельев для сдачи экзамена по тактике Военно-Морского Фло-

та прибыл!

— Хорошо-о... — вновь по привычке протянул начальник кафедры.

Он уже хотел продолжить: «Тяните билет!», но не тут-то было.

— Есть «хорошо»! — бодро ответил Савельев, развернулся кругом и тем же чётким строевым шагом вышел из аудитории.

В классе наступила немая сцена... Народ у досок пытался не корчиться от смеха, а те, кто сидел за столами, уткнулись лбом в столешницу, сотрясаемые беззвучными рыданиями.

Старший преподаватель недоуменно посмотрел на начальника кафедры и, разведя руками, спросил: — И чего с ним будем делать?

— Как что? — последовал ответ мудрого адмирала. — Тактика как дисциплина учит нас правильно оценивать обстановку и принимать грамотные решения... Он! Решение! Принял! Да и слово адмирала — это вам не крик попугая на ветке! Вписывайте в ведомость озвученную мной оценку.

Алексей Шмелёв
Всё случится мгновенно

Люди сползаются в норы,
назвав их своими домами.
А девушка лезет в горы,
ведомая снами.
Всё дальше и дальше
от фальши.
Сквозь ледяные метели.
Девушка тоже раньше
жизнь проживала в постели.
Будет всё ниже катиться
прошлое под гору комом.
Девушке больше не снится
тот, что остался дома.

- Ты уйдёшь, и тебя забудут, -
мне говорила Таня.
- И ты?
- И я забуду,
как только тебя не станет.

Я улыбался.
Листал меню.
Выбрал для нас по шоту.

- Ты знаешь, все те,
кого я люблю,
считают меня идиотом.

- Ты же не глупый малый, -
спокойно сказала Настя...
...учись наслаждаться малым,
и будет тебе счастье...

Потом, как котёнок,
свернулась у ног.

- Ты знаешь, отличная поза...
- Придурок.

Я поднял глаза в потолок
к наклеенным фосфорным звёздам.

Ты заметил, как потускнели её глаза?
Странное дело: будто кто-то выпил из них весь свет.

В её взгляде, вмещавшем в себя
переполненный зрительный зал,
теперь с трудом помещается офисный кабинет.

Только прошу: не бери в привычку судить людей.
Под водку об этом можно вздыхать часами.

Ты и сам не заметишь,
как девочка с солнцем в глазах подойдёт к тебе
и спросит: «Приятель, что стало с твоими глазами?»

Всё случится мгновенно, -
ты глазом моргнуть не успеешь.
Твои хрупкие вены
станут в поле высокой травой.
Я люблю тебя.
Только об этом не стоит, наверное.
Я люблю облака,
что плывут над моей головой!
Так честнее и проще -
ведь их не обнимешь руками.
Им плевать на слова.
Не подкупишь их и не предашь.
Я смотрю им вослед.
Мне прощаться легко с облаками,
ведь на них так легко не взойти,
как к тебе на этаж.

Сестра ушла. И в горле комом хлеба
застрял вдруг то ли выдох, то ли вдох.
Сестра ушла. Наверное, на небо...
Она ведь верила, что где-то в небе Бог!

И тот, кто в морге снял с неё цепочку,
Конечно же, подонок и дебил.
Но я... не посвятил ей даже строчки.
Я даже слова ей не посвятил.

Нет, я в себя сильнее, чем в Бога, верил.
Глазам своим я верил и рукам.
И всё ломился в запертые двери,
Пытаясь кольца подобрать к замкам.

Одна сказала: «Не люблю». Другая
любила, но сбежала в листопад.

Я от любви к любви ходил по краю,
с опаскою поглядывая в ад.

Но я любил! Вот так и запишите,
крылатые хранители мои:
«Такой-то, мол, такой-то грешный житель
любил! И задыхался без любви».

Виталий Коротаевский
Майская Зима

Царство небесное

В снежных рапсодиях тёплой зимы
Дух обнищал наш - сердца же не бедствуют.
Сверху надвинулось княжество тьмы -
Снизу приблизилось царство небесное.

Тёмные ангелы в белом пуху,
Как в Иордане, в снегах по колено мы.
Каемся в мелких грехах на бегу,
Тлеем в надежде на чувства нетленные.

Время трепещет, как белый платок,
И застывает, как мрамор, местами.
Дрожью сердец выбивая восторг,
Взглядами к манне зимы припадаем.

Звёзды размыла небесная кровь;
Небо трепещет над нами склонённое.
В звёздном мерцанье - покровы снегов
С белыми храмами - снежными кронами.

Что-то, как искры в космической тьме,
Где-то за альфами и за омегами,
Вспыхивает в незнакомом окне
И под дрожащими встречными веками.

И триединые снеговики,
Боги из детских миров, неизвестных нам,
Радостной волею детской руки
Вновь берегут для нас Царство небесное.

Майская зима

Серый вечер. Сыплет снег.
Май как мятый лист бумаги.
Звонко брешут о весне
Лишь гуляющие собаки.
Превратился в западню
Лёд подтаявший озёрный.
Лесопарковое ню
Скрылось от весенних взоров.
Вновь, как в январе, белы
Шкуры гор на горизонте.
Вот таков азарт весны
В нашей заполярной зоне.

«Скоро ль кончится зима?» -
Под галдёж и вой рекламы
Причитает у окна
Грустная больная мама.
Утешаю, как могу:
«Полно, мама, не впервой нам
В мае маяться в снегу
На весенне-зимних войнах.
Нас уже не первый год
Мнёт в своих объятьях Север.
Бородатый анекдот -
Этот самый снег весенний!»

Бесконечные следы
Вьются на весеннем снеге.
Нет на сердце маеты,
Нет и сладкой майской неги.
Как в начале, жизнь проста
И чиста от всяких бесов.
С чисто снежного листа
Новою любовной песней,
Пеной радужною - шась
На земной любви мочало!
И с любовью дарит шанс
Нам весну начать сначала.

Владимир Коркунов
Здесь до тебя – не так уж много дней

Разлуки нас с тобой свели
и разлучили так нелепо.
Жилища наши на мели
напоминают склепы.

И нет ни права, ни конца
разрушить это умиранье.
Твой ли это пол-лица
во мне печатью на прощанье?

И эта светлая тоска –
так неожиданно, но точно
Крадётся в области виска
февральской ночью.

Открыть силок и вынести в руках
Живое - то, что вырваться стремится.
Теперь я знаю, как приходит страх –
смотреть за удаляющейся птицей.

И верить в то, что горизонта нет,
что ты не пропадёшь, но, улетаю,
Наивно мыслить: разлучает смерть -
напротив, иногда объединяет.

Растает вскоре птичий силуэт,
сольётся с горизонтом неизбежно.
...Когда уходят, то разлуки – нет,
есть мнимая нелепая надежда.

Они не просыпались просто так,
как будто поздний снег запутал время.
И первобытный зов (а может – страх)
вплывал в пространство это постепенно.
О, как тонка последняя тетрадь,
о, как тверда невидимая сила!
Что можно взять, когда не можешь брать?
Что можешь дать, когда не ты просила?
И снова ночь стуманилась за миг;
ты улыбнулась, исчезая в нежность.
А где-то рос невыплаканный крик,
срывая не одетые одежды.

С. Д.

Здесь до тебя – не так уж много дней,
растерянных и розданных кому-то.
(И если ты не можешь стать моей,
Я назовусь твоим в одну минуту!)
Я разорву пространство, как в тот раз,
когда я шёл на ощупь, выживая.
Ты вышивала солнечный рассказ,
и мы друг другу душу зашивали.
Мы сны встречали с первою зарёй
лишь потому, что до седого срока
я без тебя был всё-таки с тобой
и (одиноким) был не одиноким.

Светлана Демидова
Это мой город

Битыми стеклами памяти сердце царапая,
Старые мелочи тянут из прошлого след.
Глупая, смелая, злая, наивная, слабая?
Лишнее — стерто. Размешано в битом стекле.

Мне ли страдать, оправдания в прошлом вылавливать?
Мне ли ходить по ножам, продираясь сквозь сеть?
Все мы ошибками детства немного отравлены —
Противоядие только находят не все.

Лечит ли время? Так, раны омоет со всплеском и
Лишь подорожник наклепит на твой перелом,
Кровь остановит. Но после движения резкого
Всё возвращается. С памяти битым стеклом.

Как хлеб голодным уткам в озере,
Вокруг бросаю крошки памяти.
Мне ни к чему чужие козыри,
Быть может, их себе оставите?

А крошки скоро в сказку сложатся,
В мирок из лучших в жизни случаев.
Я улыбаюсь, видя рожицы,
Недорисованные тучами.

Я босиком по лужам шлёпаю.
Глаза от счастья сладко жмурятся,
Щекожут щёки капли тёплые,
И лето плещется на улице.

Мегабайты моих поцелуев

Жду не встречи — короткого стука.
Ты — лишь несколько строк на экране.
Передача тепла через буквы —
Веришь — больше ни капли не ранит!

Пальцы мягко касаются клавиш.
Мы увязли в компьютерном мире!
Ты, наверное, даже не знаешь,
Что живу я — в соседней квартире.

Незнакомец. Любимый и близкий.
К твоему так привыкла теплу я...
Километры страниц переписки.
Мегабайты моих поцелуев.

Это мой город

Те же словечки на стенах в подъездах,
Те же окурки в невысохших лужах,
Тот же поток бранных слов бесполезных
Где-то жена выливает на мужа.

Так же толпа ждет автобус уныло,
Так же старушки ругаются вяло,
Теми же тучами город накрыло,
Тем же дождём по стеклу застучало.

Всё, как и раньше, — погода и люди.
Кто-то привык. Для кого-то он странный.
Он был таким. Он таким же и будет.
Это мой город. Любимый. Желанный.

Татьяна Бусыгина-Войтас
Ромашки

В тёмной комнате серела только вторая подушка. Он лежал и, изогнувшись, гипнотизировал ее взглядом. Подушка была свежевзбитая, приодетая в чистую наволочку, нетронутая. Наверное, прохладная. Нарядно пахнущая. Приготовленная. Надо лежать к ней спиной.

Шорох? Или нет? Шорох... Значит, не оно. Когда наконец наступает то, чего напряженно ждешь час, два, лежа на этом прокрустовом ложе между пульсирующей от ожидания подушкой и миром живых, звуков нет. Снова шорох, какой-то скрип. Не то, всё не то. Ещё рано.

Значит, продолжаем марафон обострённых чувств и оголённых нервов.

Это случалось каждую ночь, и всё равно он всегда боялся – а вдруг вчера был последний раз? А вдруг именно сегодня ему так и лежать до утра без сна, чувствуя спиной пустую подушку?

Чуть колыхнулся воздух. Чуть теплее стало уху. Чуть сместились волоски на виске. Вот она!

Он выучил наизусть момент их соприкосновения. Первые секунды

всегда одинаковы. Испуганный шёпот – одеяло вверх – тело пружинисто за себя, назад, к подушке лицом – и волосы, волосы, наконец-то льются на руки роскошные волосы.

– Где ты?!..

– Тут, тут, давай сюда.

– Холодно...

– Сейчас тебя согреем. Ух, какая холодная сегодня! Где тебя...

– Где её. Вот именно. Где её?!

– Я тебя ждал. Иди сюда. Сюда, под одеяло. Не тяжело?

– Нет... Я еле нашла тебя. Почему ты так далеко забрался?

– Люблю спать у стенки, ты же знаешь.

– Знаю. Мммм...

Мягкая теплая щека на его предплечье. Потёрлась носом о его шею.

– Я соскучилась. Я так по тебе соскучилась, что...

– Я тоже. Я лежал и ждал. Как хорошо, что ты приходишь каждую ночь.

– Я соскучилась...

– Тебя сегодня так долго не было.

– А...

Он осёкся. Сегодня? Долго? Не было? Господи, какой фарс... Но, с другой стороны...

Какие мягкие у нее губы. Как вкусно пахнет от её поцелуев. Переплетаясь с ней, опутывая её до мельчайшей родинки знакомое, на поверку оказавшееся таким хрупким и ломким тело надёжной паутиной своих рук, ног, он чувствовал, как отступает вечная боль в затылке, как ватным туманом застилаются образы крестов и чёрных платков.

– Ты.

– Я.

Время становилось длинным, как её волосы в тот день, когда он в первый раз её поцеловал – ватным, как борода деда мороза, которую она нацепила на себя в гримёрке театральной студии и порвала, а он взял всё на себя – сладким, как торт, который он сам испёк ей на день рождения и от которого потом отстирывал её джинсы – тягучим, как ожидание её прикосновений. Время шептало, время смотрело, время кричало. Время било во все колокола и умирало. От острого чувства близости можно сойти с ума – вы не знали?

Он сумел посмотреть на нее. Лишний раз удивился тому, что он её видит. А ведь с каждой ночью он видит её всё отчетливее: прошлой ночью не смог рассмотреть ямочек на щеках, а ведь вот они, их можно потрогать указательным пальцем, и тогда она улыбнётся. Зато прошлой же ночью он впервые заметил шрамик над бровью – сперва испугался, ведь в комнате всегда было слишком темно, но потом пришла

сумасшедшая радость. Сегодня он смотрел ей в глаза, а она смотрела на него. И не было в этом обмене взглядов совсем ничего страшного, ее взгляд был, как обычно, ясный, умный, слегка ироничный, добрый.

– Понимающий.

– Тебя что-то мучает.

– Почему ты так думаешь?

– Я вижу. Говори, пожалуйста.

Как ей рассказать? И как ей не рассказать? Каждую ночь они вели эти странные разговоры. Каждую ночь он находил в них всё больше и больше смысла.

Он удобно оперся на локте, намотал на палец её прядь, накрыл ладонью её грудь. Теперь можно и поговорить.

– Я боюсь.

– Я вижу. Чего?

– Я боюсь того, что настанет такой день, когда ты не придёшь.

– Почему?.. Почему ты думаешь, что я могу не прийти? Ты мой дом.

– А... А почему ты ко мне приходишь?

– Хороший вопрос. Потому, что я тебя люблю.

– Я знаю это. Куда ты уходишь, когда я сплю?

– Тишина.

– Не обижайся, пожалуйста, только не обижайся! Не уходи.

– Послушай. Я ни-когда от тебя не уйду. Я обещала тебе это. Почему ты не можешь мне поверить?

Ему хотелось выть, и хотелось задать ей тот самый вопрос, но он боялся, что если задаст его, то порвет

какие-то небесные ниточки – и она больше не придёт. Поэтому пусть будет так. Пусть будут эти пересекающиеся грань здравого смысла разговоры, и желание выть, и страх – всё это лучше, чем те полные кровавого тумана четыре дня.

Я люблю тебя, понимаешь?

Секунда – и он лежит на спине, а она вжимает острые коленки ему под мышки.

– Чучело! Я тоже тебя люблю! Ну почему ты никак не можешь в это поверить? Что с тобой происходит в последнее время?! Что-о-о-о-о-о?!

Она запрыгала на нём, зацекотала, тяжёлая, теплая, пахучая, живая. Накатило вдруг: никто и никогда её у него не отберёт. Пусть попробует! Тот обморок, сотрясение и шишка на затылке от соседской оградки – это просто переутомление. Экзамены.

– Слушай, слушай! Аааоо. У. Ааа. Оо! Ррррр.... Уф. Так ты слушай. Я сегодня играл!

– О! Ты молодчина. И как?

– Ну... Я же первый раз сегодня играл после... после того дурацкого случая. Полтора месяца ракетку в руках не держал. Поэтому особо никак. Но один сет вничью!

– А с кем?

– С Вольфом.

– Огого! Не прибедряйся, ничья с Вольфом приравнивается к 2:1 со всеми остальными.

– Да я сам не ожидал. Думал, вообще по мячику попадать не буду, а тут... Жалко, тебя не было.

Тишина.

– А еще я с замдекана поругался сегодня. Орал, что меня отчислит. Дисциплинарно.

– Что на этот раз этому старпёру не понравилось?

– Что я, видите ли, перед самой сессией сложил с себя полномочия старосты в связи с семейными обстоятельствами, а потом её завалил. Капал мне на мозги полчаса.

– И это повод тебя дисциплинарно отчислить?

– Я сказал ему, что он старый козел и ему пора на пенсию.

Она секунду потрясённо посмотрела на него, потом повалилась на подушку и начала хохотать.

– Ай, молодец! Я тобой горжусь! Раз в кой-то веки сказал ему в глаза правду! Где ты вообще его нашел в середине каникул?

– Встретил в автобусе... Рад, что ты меня поддерживаешь.

Поддерживает... Она всегда его поддерживала, что бы он ни делал, как бы он ни ошибался и какие бы нелепые идеи ни пытался воплотить в жизнь. Только один раз она его не поддержала. Не смогла. Не могла.

– Слушай, у тебя такие шершавые ручки. Я завтра куплю тебе крем.

А ножки? Ножки тоже шершавые! Ножки тоже хотят крем! Купи с ромашкой.

Она обожала ромашки. Она искала по всему городу ткань в ромашки и шила из неё себе летние платья. Она страшно разозлилась на него,

когда он, по наивности, принес ей целый букет сорванных за городом ромашек, и чуть не плакала над ними, потому что они через несколько дней умрут в вазе. Тогда он засадил ромашками весь газон под её окном, и, странное дело, цветы проросли. Потом он сажал ромашки под крестом, и там они тоже прекрасно прижились – чувствовали, что их любят.

– Шаги – слышишь? Опять твоя мама?

– Наверное... Ну и бог с ней. Она просто ревнует к тебе, вот и всё.

– По-моему, она плачет... Почему?

– Говорю же, она ревнует меня к тебе.

– Ну нельзя же так... Поговори с ней.

– И что ты хочешь, чтобы я ей сказал?

– Ну... Скажи ей, что ты любишь её и любишь меня. Ты же взрослый мужчина, ты можешь любить женщину и любить мать... Я знаю. Давай, я с ней поговорю?

– Не надо.

– Почему?

– Не надо! Это моя мать, мне с ней и разбираться.

– Поговори с ней.

– Я говорил. Давай не будем об этом.

– И что она?

– Ничего. Всякую ерунду говорит.

– Какую?

Поднялась на локте, взяла за руку. Какой знакомый жест.

– Ложись, ложись. Да ревнует она.

– Говорит, что я схожу с ума, потому что каждую ночь с тобой разговариваю.

– Тишина.

– Еще бы. Полтора месяца подряд разговаривать с той, на чьей могиле лично сажал ромашки – это не шутка. Мама боится.

Мама плачет под дверью, потому что сын, видите ли, сходит с ума. Маме бы самой сходить ко врачу, мерещится ей всякое. Кто умер? Никто не умирал. Вот она лежит здесь, живая и теплая, дышит, прикасается, царапает ноготками, колется подмышками. Прошлой ночью подмышки кололись меньше – разве с теми, кто умер, так бывает? Он расскажет ей обо всем, что случилось за день, обцелует её с ног до головы, прижмётся к ее уютной спине и уснёт, запутавшись губами в её волосах. Кому от этого плохо?

Как только пришло ему в голову, что её может – не быть? Что она может – исчезнуть? Той дикой ночью, после похорон, болел затылок, издевательски плясали перед глазами красные мушки, кружилась голова и утягивало в какую-то черную дыру, и он, очень спокойный, сдержанный, на кладбище все восхищались, закрыв за собой дверь, упал, и рыдал, и катался по кровати, и рвал наволочку, и грыз кулаки, и вдруг как озарило его – резать вены, иначе нельзя. И тут она положила руку ему на голову. Пришла, и всё сразу стало хорошо. И осталось хорошо.

– Знаешь... Я проснусь утром, а тебя опять не будет. Может, останешься со мной?..

Тишина.

– Лю-би-ма-я?..

Он размышлял, есть она или её нет – а она просто взяла и уснула на его руке. Молчит, сопит. Он прикрыл её одеялом, подоткнул подушку, устроился рядом, обнял ее и закрыл глаза.

– Спи...

Сходит с ума? Может быть. Все так реалистично. Хотя венки тоже был

настоящий, он еще поцарапал руку о торчащую проволоку. Сходит с ума? Ну а если и так, если это – цена их неразлучности, так что ж с того.

Плачет мама.

Когда-нибудь солнце будет пробиваться сквозь занавеску, а она так и будет уютно дышать рядом. Что-то вокруг неуловимо изменится, мир уйдет, и не останется уже ничего, кроме неё.

22.11.2009

Владимир Макаренков Печаль всяя Руси

Ещё мне слышится вдали,
Как будто всплывший из веков,
Невнятный зов родной земли,
Её полей, её лугов.

И прелью пахнет от земли,
Вздыхающей по чуду рук,
И крепко держат пятерни
Невидимый тяжелый плуг.

Но даль грустит, и высь грустит, –
Что толку в том, что слышу я?!
И плуг по сердцу бороздит,
Качнув основы бытия.

Цветы по подоконнику
Сползают на карниз,
На уличную хронику
Взирают сверху вниз.

О, красота момента!
Но улица, шутя
Бежит, как кинолента
С катушек бытия.

Уму непостижимо,
Кому какой резон,
Что жизнь не удержиимо
Скользит за горизонт!?

А здесь в просторной комнате –
Спокойствие, уют;
Как ленты улиц в городе,
Одни часы бегут.

Секунды попережку
С минутами – тик-так,
Как будто бы в насмешку:
Всё в комнате не так.

Но звёздочки над месяцем
Зажгутся, как зрачки,
Процокают по лестнице
В подъезде каблучки.

Дверь настежь распахнется,
Сквозняк-веретено
По комнате метнется
И выскочит в окно.

Цветы качнут головками,
Как будто скажут той,
Что цокала подковками:
«Остановись, стой!»

Ты помнишь, время было
Из солнца и дождя?
Как ты его любила!
Как он любил тебя!

А город, как в прострации,
Дыхание тая,
Был задней декорацией
На сцене бытия».

Печаль всяя Руси

О чём моя кручина,
О чём моя печаль, –
Душевная лучина,
Страдания печать?

Пойду ли выйду в люди,
Замкну ли – всё тоска
Сжимает сердце, студит,
Колотится в висках.

Твоё я знаю имя!
Пусти меня, пусти,
Безмужняя княгиня,
Печаль всяя Руси!

За что ты полюбила
Народ великий мой,
И стольких погубила
Кручиною хмельной!?

Нет-нет, не твой я милый!
Ты не моя Печаль.
Обиженных, и сирых,
И спившихся мне жаль!

Не выслуживших чина,
Не покоривших даль...
О том моя кручина,
О том моя печаль.

Мы не речные волки,
Хоть и с днепровских круч.
Я думал, что у Волги
Вода на вкус – из туч.

Нырнули и ... неправда!
Вода в реке до дна
Немного сладковата,
Немного солона.

Ни горести, ни пресности
Не ощутил во рту,
Как и в прибрежной местности,
Открытой за версту.

Гляжу вокруг опасливо,
Никак не разберусь,
Чего же так несчастлива
И горемычна Русь?

Нам детства не заменит
Достаток и успех.
И ты считал ступени
Под наш веселый смех.

И отвернулся Чкалов,
С улыбкой на губах.
И лодки у причала
Качались на волнах.

А волны всё не молкли,
В глазах смешно рябя.
Но между тем, от Волги
Мы шли, как от себя.

Доверив разговору
Спасенье ото лжи,
Мы поднимались в гору
Утрат своей души.

С утра – нелётная погода.
Дождь ночью, как телеграфист,
Отстукивал текстовку кода
На каждые бутон и лист.

Туман сошёл, и солнце с рвением
Расшифровало аромат.
И, как аэродром, гуденьем
Наполнился весенний сад.

Белым-бело. Лечу в разведку,
Не чувствуя ни рук ни ног.
Уткнулся в сливовую ветку,
Как шмель в раскрывшийся цветок.

Липнут к коже пальцы света
Сквозь дневной небесный тюль -
Чудо света.
Сливки лета –
Сладкий ягодный июль.

Стрёк полуденного зноя.
Для земли в пыли дорог
В полдень озеро лесное –
Как живой воды глоток.

И спешишь, ища прохладу,
В глубину, где стынь-вода,
Будто озеро и вправду
Может сгинуть без следа.

Дождь, и ветер неистов.
Небо - в скатанной вате.
Аппликации листьев
На чернильном асфальте.

И в рифлёные лужи
Тщетно смотрят деревья.
Вместо праздничных кружев –
Золотые отрепья.

Пахнет жжёным чаем и дрожжами.
Отгостив у Бога в облаках,
Я лежу с закрытыми глазами
В простынях, как в белых лепестках.

Слышу, как гремит посудой мама,
Как в кладовке возится отец.
Я вчера хотел проснуться рано -
До утра в раю пропас овец.

И когда сгорел последний факел,
Я заснул под розовым кустом.
И пришёл ко мне на смену ангел,
Перенёс неслышно в отчий дом.

Кажется, всё было так недавно!
Господа с утра благодарю,
Что безгрешна мама, православна
И теперь она живёт в раю.

Масленицу празднуй вместе с нами!
Будем печь блины и пироги.
Первые на стол положим маме.
С детства знаю – нет в раю муки.

В доме тихо, в доме пусто.
Грусть в узорах на ковре.
Без тебя всегда мне грустно,
Как собаке в конуре.

Я в окно смотрю тоскливо,
А на волю не сбегу.
Я волшебное огниво
Нашей встречи стерегу.

Ты жена мне, не невеста.
Но годам всем вопреки,
Как ударит дверь подъезда,
Я уж слушаю шаги.

Звук их знаю, а в итоге
Неожиданно всегда
Возникаешь на пороге
Ты, как в сумерках звезда.

И готов я встать на лапки,
И в глазах ищу вопрос,
И несусь поспешно тапки,
Как послушный верный пёс.

ISSN 2223-5221

Литературный журнал «Осиянное слово», №3 2012 года. Выходит раз в квартал.
Объём 160 полос.

Подписано в печать 03.03.2012. Формат 70х100/16. Печ.л.10. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Издатель и учредитель:

ООО «МОБИ Паблишинг», 603135, г. Нижний Новгород, просп. Ленина, 41
тел. +7 (831) 218-00-85

Главный редактор: Алексей Витаков

Над выпуском работали: Татьяна Кондратова, Дмитрий Меркушов

Технический редактор: Вероника Алёшкина

Директор по рекламе: Сергей Красниковский

Компьютерная вёрстка: Михаил Корнев

Дизайн: Владимир Лупандин

Типография:

ГУП МО «Коломенская типография»

140400, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а

Тел.: +7 (496) 618-69-33

Тел/факс: +7 (496) 618-62-87

Фотографии в номере предоставлены авторами из личных архивов либо взяты из открытых источников. Все права на опубликованные произведения принадлежат их авторам. Полное или частичное воспроизведение без письменного разрешения издательства запрещено.

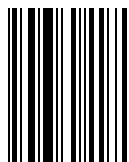
© Издательство «МОБИ Паблишинг», 2012

© Литературный журнал «Осиянное слово», 2012

ISSN 2223-5221

9 772223 522003

0 3 0 1 2 >

